

АЛЕКСАНДР
СПАХОВ

ЛИЦО
для
РИТЫ

16+

Александр Спахов

Лицо для Риты

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Спахов А. В.

Лицо для Риты / А. В. Спахов — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Конец девяностых. Рита Пестова получает письмо из Парижа с приглашением на вскрытие завещания своего мужа. Она в растерянности, ведь муж исчез три года назад, в Москве. Что это? Знак свыше или чьи-то хитроумные происки? И что сулит Рите это завещание? Безумные приключения или шанс начать новую жизнь?

Содержание

ГЛАВА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЕРИНГ	5
ГЛАВА 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИТА	11
ГЛАВА 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЕРИНГ	19
ГЛАВА 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИТА	23
ГЛАВА 5. ПОНЕДЕЛЬНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РИТА	29
ГЛАВА 6. МОСКВА. СРЕДА НА ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛЕ	31
ГЛАВА 7. ВТОРНИК. ПАРИЖ. РИТА	36
ГЛАВА 8. МОСКВА	39
ГЛАВА 9. ВТОРНИК. ПАРИЖ. БЕРИНГ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Спахов

Лицо для Риты

ГЛАВА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЕРИНГ

Не соглашусь с тем, кто сочтет меня человеком беспринципным. Хотя бы потому, что один-то принцип точно имеется. Никогда не выпиваю по понедельникам.

А сегодня, кстати, совсем не понедельник, а наоборот – воскресенье.

Билет до Парижа с открытой обратной датой – это для приключения, согласитесь, неплохая, как выражаются военные, вводная. Сейчас я протягиваю его вместе с заграничным паспортом сухощавой брюнетке в темно-синей летной форме.

– Вам в салоне для курящих?

– Пожалуй. А много ли осталось свободных мест?

– Треть, – получаю ответ и, не провожаемый ничьим взглядом, направляюсь к границе. Розовощекая пограничница хоть и не в восторге от моего намерения посетить модный город Париж, но помешать ни она, ни ее молодцеватый начальник в звании старшего прапорщика уже ничем не могут.

Твердым шагом я покидаю Родину.

Не успев как следует прочувствовать торжественность момента, застаю себя в алкогольной части шереметьевского фришопа, перед шкафом, где томятся напитки крепостью не ниже сорока градусов.

Как только преодолеете турникет этого заведения – три шага налево, – цель перед вами. Знайте: следующий такой магазин только через три с половиной тысячи километров. Действуйте решительно, но хладнокровно. Зеленую круглую коробку шотландского виски «Гленфиддих» для душевной встречи с друзьями по цене тридцать долларов за литр – раз, фляжку коньяка «Реми Мартен» за двадцать долларов (помогает релаксировать в одиночестве) – два, горсть пухлых, приветливо реагирующих на прикосновение сигар, – три! И можно от стратегических покупок переходить к тактическим, то есть в секцию красных вин.

Хотя красное сухое вино заслуживает большого подробного разговора, замечу вкратце, что главная его (имеется в виду вино) задача – привести человека в состояние предвкушения романа. Именно романа, а не Любви Большой или того сладостного процесса, называемого емким словом «связь». Многократно проверено, что если мужики распивают белую, то будут спорить о политике, когда наливаются пивом, главная тема – футбол или рыбалка, а под красное вино, прости Господи, речь пойдет о женщинах.

Стройная бутылочка «Шатонеф дю Пап» 1993 года полностью соответствовала ближайшим планам и, естественно, заставила потесниться в магазинной корзинке двух крепких друзей, наведя переполох в стане сигар.

Пригласили в самолет. Последняя сигарета в отстойнике, пара газет на столике перед входом на борт – и принимаюсь за дело.

Пассажиры продвигаются по проходам и рассаживаются по местам с такой домовитостью, словно намерены провести здесь остаток жизни. Сейчас среди них находится и та, кому, возможно, предстоит скрасить не только три с половиной часа моего перелета.

Кое-что я про нее уже знаю: собой она хороша. Красотка, это точно. Неизвестно другое: какая она? Веселая умница? Скучная глупышка? Начитанная интеллектуалка, напыщенная задавака, запростецкая хохотушка или мировая девчонка? Но это я непременно выясню. Иначе...

Самое важное – не проиграть дебют. Бездарное начало – и игра не состоится вовсе. Можно напортачить потом, но не в начале, когда складывается впечатление. С другой стороны, время дебюта работает на тебя, время эндшпиля – против. Так, приведем в порядок свои позиции. Тридцатипятилетний господин в дорогих очках и хорошем галстуке, не имеющий намека на лысину, в свежей рубашке, одекolon солидный, лишний вес есть, но пока только в том количестве, что располагает к доверию, но не к насмешке. И главное: лицо работника умственного труда. Не красавец, поглядывающий свысока на белый свет, не баловень судьбы, привыкший получать даром, а человек простой и надежный, всего добивается сам, из тех, с кем можно пойти по жизни рука об руку. Для начала достаточно.

Осматриваю салон на предмет обнаружения соискательницы на должность попутчицы.

Она? Довольно высокая блондинка, стоит ко мне спиной, общается с подругами, а их-то как раз быть не должно, коллектив в моем плане абсолютно не предусмотрен. Может быть, эта? Похожа, но слишком тяжела, проглядывается большая семья, и сейчас основная ее забота – равномерное распределение подарков по родственникам. Повернулась. Да и лицо неправильное. А эта? Хороша! Молода, правда, я для нее сопоставим с историей Древнего Рима. Ситуация, бесспорно, поправима, но, увы, не сегодня. Дальше. Ага, наконец-то! Объект найден. Расположена удачно. Место у окна, два соседних свободны. Я иду последним, и на эти места претендовать больше некому. Молча сажусь у прохода. Пакет наверх, в ящик. Разворачиваю газету и поворачиваю голову к иллюминатору, чтобы прояснить ситуацию с вылетом. Встречаю ее взгляд. Спокойна, уверена в себе, строгий темный костюм, умеренный макияж, шапка русых волос, большой рот, зеленые глаза. Сейчас оценивает меня. Все может оказаться очень интересно. В скупой гамме выражения лица замечена капелька любопытства.

– Красное вино пьем? Для храбрости.

Мои слова не застали ее врасплох.

– Посмотрим, – последовал ответ.

Не сухая отговорка, блок защиты, а действительно ей требовалась какая-то информация обо мне, чтобы принять решение. Ну что ж, посмотри, милая, посмотри.

Проходившую мимо стюардессу, в каждом шажке которой угадывалась страстность, я попросил принести стаканчики.

Никого предстоящий полет в самолете не может оставить равнодушным. Вот и я призадумался. Не хотелось бы, да и рановато заканчивать свой путь под обломками пусть даже самого международного лайнера. Наверное, утонувшие на «Титанике» выглядят попрестижнее, чем умершие во время эпидемии дизентерии, но это только с точки зрения живых. Реальным действующим лицам все равно, лишь бы не сегодня.

А у меня столько еще не сделано! К примеру, никогда не был богатым, не довелось побывать в Непале и с высоты Гималаев, с точки, откуда взирает Будда, посмотреть на эту возню внизу. Да и коллекция российских серебряных монет девятнадцатого века еще далека от совершенства. И масса других, менее важных, но все-таки требующих присутствия дел. Впрочем, хватит о грустном. Как говаривал друг детства Дуду: «Пей шнапс – и молодость вернется!» Он так и остался молодым на девятнадцатом километре Дмитровского шоссе. В отчете гаишник написал: «Не справился с управлением автотранспортного средства». Был нетрезв... Пора выпить. Что там подельывает будущая хорошая знакомая?

Ага, дисциплинированно пристегнулась ремнем безопасности и притихла.

Время – вот самая подходящая тема для начала диалога, независимо от того, какой он окажется длины.

– С этими постоянными переходами на зимнее время я всегда путаюсь и не знаю, сколько же часов составляет разница с Парижем. Вы не в курсе? – задаю будничным вопросом, расстегивая ремешок неброских, но благородных часов фирмы «Frederique Constant».

На этот вопрос любой мало-мальски уважающий себя человек не должен отвечать «не знаю», если не хочет пасть в глазах окружающих, выглядеть дремучей деревенщиной, не имеющей представления о движении дневного светила. Моя соседка не из таких.

– В Париже на два часа меньше, мы прилетим в девять тридцать, – отвечает она, демонстрируя свой довольно низкий, удачно звучащий бы в ночной радиопередаче голос.

– Жаль, – сказал я, рассчитывая на вопрос. И он прозвучал.

– Почему жаль?

– Жаль, что не на три. Когда летишь на запад, день становится длиннее, а значит и жизнь, как раз на эти часы разницы. Согласитесь: в Париже не может быть лишних часов, наоборот, их там всегда не хватает.

– Не знаю, я еще не бывала в Париже. Да и на обратном пути эти часы у вас отберут. Не так ли?

– Кто знает, каким будет возвращение...

Начало оцениваю как удовлетворительное. Тон беседе задан правильный, проглядывается широкий простор для развития: от простого обмена туристическим опытом до глубокомысленных сентенций с заглядыванием в глаза.

Тут радующей пассажиров походочкой как раз подросла давешняя стюардесса с заказанными предметами первой необходимости. Кстати, а как обстоят дела с нижней половиной моей попутчицы? Неосмотрительно принимать решение, руководствуясь данными, сканированными с сидящей женщины. Во времена беззаботной юности со мной приключился казус в подобной ситуации на маршруте Горький – Ленинград. Городов с такими названиями уже нет, а стыд еще жжет. Тогда в рекордный срок, одним только текстом, всухомятку, сумел привести в состояние «волнующего предвкушения» вполне миловидную молодку, летевшую рядом, и сам, не скрою, испытал что-то подобное. Но когда самолет приземлился и мы дружно повалили к выходу, был просто шокирован, скажем так, геометрией ее ног. Возможно, для господ Евклида и Лобачевского, всю жизнь посвятивших себя вопросу пересечения параллельных прямых, эта дама могла представлять определенный интерес, но я, хоть и был в то время студентом математики, расстался с ней быстро и бесповоротно. А переживаю до сих пор.

Все, что сейчас имел возможность видеть в соседнем кресле, вызывало одобрение.

– Париж таит в себе две опасности, – сказал я, доставая перочинный ножик со штопором. – Первая, что этот веками разрекламированный город разочарует вас, потому как в нем живут обычные люди, окруженные сопутствующим им хламом, бедламом, дурацкими привычками и собачьим дерьмом на каждом шагу. Кстати, а во что вы обуты? Покажите.

И она показывает! То есть, угадав во мне опытного путешественника, доверяется и, ожидая полезных рекомендаций, поднимает столик, предъявляет ноги. Что и требовалось. Я удовлетворен, я спокоен. Сейчас мне нечего стыдиться за сделанный выбор.

– Вот видите, – говорю я. – Будет неприятно вступить в этих итальянских туфлях в... Однажды я присутствовал при таком разговоре. Наша туристка заявляет гиду-парижанину: «Месье, кругом на тротуарах столько собачьих фекалий!» «О да, мадам! – отвечает гид. – У нас много, берите, пожалуйста, сколько захотите».

Она смеялась все время, пока я разливал вино, и смех у нее оказался приятным. Затем спросила:

– А вторая? Там опасно вечерами на улицах?

– Нет. В Москве, пожалуй, страшнее. Риск в другом. Вы полюбите город. Атмосфера, царящая на улицах, поразительна! До вас нет дела. Все заняты собой и только собой. Никто никому не мешает, не испытывает чувства неловкости ни перед кем. Вы освободитесь от своей прошлой жизни, обязательств и станете другим человеком. И не всегда лучшим. Со сколькими такими людьми я знаком!

– Ну что вы, я в Париж на две недели, туристическая поездка. Лувр, Версаль, магазины – и домой. Отпуск закончится, и все останется в прошлом, – сказала она и отвела глаза. Замкнулась. Что-то здесь не гладко.

– Париж – коварное место. Каждая женщина втайне надеется вернуться не такой, какой отправлялась в путь. Вы не считаете?

– Не знаю. Не задумывалась. Так все быстро решилось. Еще вчера вечером не была уверена, что сумею освободиться на работе, и даже сейчас не привыкла к мысли, что лечу в Париж.

Вино оказалось именно таким, как и хотелось. Густым, почти черным, горьковатым, глубоким. Как накапливаемый человеком опыт меняет, уточняет, открывает новые, тонкие и неожиданные грани в его воспоминаниях, так и это вино будто рассказывало о себе с каждым глотком все точнее и откровеннее все более важные и сочные подробности. Вот оно еще косточка в прохладной земле, потом корень, лоза. Солнце не спускает с него глаз, шершавые руки виноградаря копаются в его судьбе, дети пробегают мимо, юноша говорит девушке что-то горячее, а вино уже в ягоде, уже все слышит и запоминает. Вот оно бродит в чане – самый светлый, но и короткий период в его жизни. Затем бочка первого года хранения – беспечная молодость, неосознанные надежды. Наконец, сцеживание, как выпускной бал в школе, а затем долгие годы работы над собой, созревание, возмужание и, если хотите, мудрость.

Стакан опустел только наполовину, а я уже стал другим.

Стремительно, как страницы толстой книжки на ветру, пронеслись в сознании воспоминания о прелестных вечерах двухлетней давности на берегу теплого моря, когда я наслаждался тем самым «да, милый», которое редко удается услышать, но время от времени можно прочитывать в глазах.

Зачем так устроена жизнь, что постоянно приходится заниматься не тем, чем хочется, и не там, где нравится? Упорно лезут мысли о том, что человек живет не свою индивидуальную, только им управляемую самостоятельную жизнь, а исполняет строгие функции, предначертанные его биологическим видом *homo sapiens*. Вот и подумаешь – что есть Бог: не целесообразность ли развития или просто выживания одного вида (отряда? не помню точно, эти вещи заканчивают изучать в школе в четырнадцать лет)?

Ба! Да что это я? Вон куда занесло, в какие дебри. Нельзя расслабляться, в конце концов я в командировке, а значит на службе. Отрабатывай суточные. Впрочем, есть основания считать, что на этот раз не без удовольствия. Только посмотрите, как хороша она в задумчивости, углубленности. Благословенный напиток работает вовсю. И работает правильно. Только бы не вспугнуть, не позволить поразмышлять на тему, кто я такой и почему оказался рядом. Сейчас поменьше вопросов, захочет – расскажет сама. Надо чтобы захотела, иначе – брак, а не работа... Лозунг момента – доверие. Осторожно, без спешки. Говори о пустяках. Покупки, транспорт, карманные деньги, одежда, нравы. Отлично, выбираем нравы! Я подлил еще вина, пригубил, взглянул ей в глаза и...

– Согласитесь, что для нас слова «Парижские тайны» – это восемнадцатый век, Жан Маре, золото в монетах и адюльтер. Верно?

Моя спутница кивает утвердительно и протягивает руку к своему вину.

– Так вот, об адюльтерах.

– О супружеских изменах?

– Да. Для вас эта тема актуальна?

– Только теоретически. Для общего развития.

– Но мне продолжить?

– Пожалуйста.

– В первое посещение Парижа я остановился в малюсенькой гостинице на авеню Гамбетта. Комната казалась верхом роскоши – телевизор, балкон размером с шахматную доску, душ и кровать...

– А что еще нужно?

– Согласен. Причем кровать оказалась таких гигантских размеров, что половина времени уходила на ее обход. Тишина и покой. Казалось, кроме меня и седого господина за стойкой администрации здесь никого нет, хотя в момент поселения свободный номер был найден с трудом.

– В Париже неважно с гостиницами?

– Как правило. Смущали в номере подушки. Они были подозрительно маленькие, по сути, не подушки, а какие-то валики, к тому же жесткие. Да Бог с ними, с подушками, главное – я в Париже.

Разговаривать с женщиной у иллюминатора было приятно, она слушала внимательно.

– Из гостиницы уходил я рано, а возвращался около полуночи. Но однажды остался в номере, так получилось. И что же? Ровно в час дня гостиница ожила! Задвигались лифты, захлопали двери, непрерывно звонил колокольчик на входной двери, в коридорах звучали шаги десятков людей. Подъезжали автомобили. Как будто высадился десант или остановилась на привал полярная экспедиция. Жизнь закипела! На десять минут. Ровно через десять минут на отель опять опустилась тишина. Затихли и шаги, и лифты, и двери, и колокольчик. Всё. Я вернулся к своим делам. Однако ровно через час все повторилось снова, но в обратном порядке. Двери, коридоры, лифты, холл гостиницы, колокольчик и автомобили. На этот раз окончательно. И тут до меня дошло. Это же были свидания в обеденный перерыв! Потому и мест не было, и тихо так. Все забронировано. И про подушки сразу стало ясно...

Я взглянул на соседку: поняла ли она, что я имел в виду, говоря о подушках? Она поняла, но отреагировала сдержанно.

По салону самолета деловито и сосредоточенно сновали коренастые стюардессы, разнося обещанный в начале полета завтрак. Эта процедура у меня всегда ассоциируется со скотниками, задающими корма крупному рогатому скоту в тесных стойлах, зорко следящими, чтобы досталось всем и строго поровну. Получили и мы. Повод приложиться к стакану.

– Ну, личная жизнь... Это никого не касается. – Оказывается, моя соседка придерживается передовых взглядов.

– Хочу добавить, личная жизнь парижан тщательно скрыта от посторонних глаз. Особенно она охраняется от знакомых и друзей, основных сплетников. Могу привести пример. Интересно?

– Да.

– Один мой приятель, телевизионщик, несколько лет живший в Париже, однажды предложил съездить с ним в Лилль, к его любовнице, работающей на местном телеканале. Голубки решили провести несколько незабываемых дней в провинции – что ж в том плохого? Да, но при чем здесь я? Оказывается, моего друга могли уже видеть коллеги дамы, и если он явится в Лилль, тем более в пятницу, то начнутся пересуды. А двое русских – это уже делегация. Нас проведут по студиям, побеседуют на профессиональные темы, вечером телевизионный чиновник встретится с иностранной делегацией, как принято в цивилизованном мире, в непринужденной обстановке за дружеским столом. Комар носа не подточит, все шито-крыто. Я, конечно же, не отказался и ничуть не пожалел. Лилль – весьма симпатичное место.

– Я запомню.

Мы заканчивали завтрак почти друзьями. Горячий напиток на высоте девяти тысяч метров чем-то напоминал кофе. Мы пролетали над Германией.

– Сейчас понимаю, почему парижане так относятся к сплетням. Как-то раз ужинал в гостях у француза, парижанина до мозга костей. То есть одинокого мужчины, который, однако, пригласил гостей к своей незамужней подруге. Собралось человек шесть-семь, все были объединены профессией, вернее работой на одном предприятии. Скоро я перестал разбирать быструю французскую речь. Нить разговора потерял, когда заговорили про некоего отсутствующего

щего Карла, которого, как я понял, все знали. Тема обсуждения: не гомосексуалист ли он? Я отвлекся, ушел в свои мысли, затем отправился побродить по квартире – интересно все-таки посмотреть на быт, мебель, книги и так далее. В общем, когда минут через сорок вернулся к гостям, застал жаркий спор. «Вот схлестнулись, – подумал я. – Наверное, дискутируют о культурной экспансии Соединенных Штатов на французскую землю (весьма большой вопрос) или о государственной политике в области кино. Надо и мне поучаствовать». Спросил у приятеля, о чем спор, оказалось, речь идет по-прежнему о Карла! Представляете, как всесторонне они обсудили вопрос, как глубоко проработали. Вот вам и «Парижские тайны»!

Самолет заходил на посадку. Воздушное путешествие приближалось к концу.

Наверное, сейчас было бы логичным договориться о встрече завтра вечером. Предложить погулять по Парижу или поужинать вместе. Но не стоит рисковать: вычислить, где она остановится, не составит труда, поэтому оставалось только одно.

– Мы три часа летим рядом, но не познакомились. Как вас зовут?

– Рита.

ГЛАВА 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИТА

Пыльные пластиковые трубы эскалаторов аэропорта «Шарль де Голль» не произвели на Риту Пестову запланированного архитектором впечатления. Она почувствовала себя крошечным элементом гигантского учебного пособия, которое демонстрирует работу внутренних органов просторного животного. Какого же размера должны быть студенты, набирающиеся сейчас ценных знаний, внимательно следя за Ритой, спускающейся по трубе к выходу номер тридцать два? Кем им виделась сквозь помутневший за восемнадцать лет пластик сама Рита и туристическая группа из Москвы в количестве девятнадцати человек? Возможно, красными кровяными тельцами, спешащими по артериальной системе с единственной и благородной целью – обогатить организм живительным кислородом? Или безропотными участниками показа работы желчных протоков, олицетворяющими собой желтую горечь, неприменную спутницу всех потерпевших поражение? А вдруг Рита угодила на лекцию по органам воспроизводства и сейчас исполняет роль бодрого сперматозоида, который в числе других спешит, боится опоздать, боится, что не он...

Рита усмехнулась и поправила шарф. Пожалуй, последний вариант попривлекательней. Немного неприличный, но в нем хотя бы есть перспектива. Впрочем, что там про студентов? Ощущение, будто ее разглядывают, не отпускало. «Это неплохо, – решила она. – Поможет быть собранной».

Ни пограничник, ни таможенники, ни какие-либо другие официальные лица не проявили к Рите заменного интереса, и она, подхватив дорожную клетчатую сумку, направилась к группе российских граждан, окруживших женщину с табличкой «Эр Вояж» в руках. Рита прибыла в Париж как организованная туристка.

Для летящего в Париж впервые погода не имеет большого значения. Сегодня древний город предпочел предъявить себя в серых, асфальтовых тонах. Но его безразличие, неподготовленность к прибытию Риты Пестовой не прибавили ей хорошего настроения. Только автобус, в который довольно шумно и толкотливо погрузилась группа, радовал глаз ярмарочными цветами и размашистыми надписями на длинном французском языке.

Десятизначные номера телефонов производили отталкивающее впечатление.

Попутчик, с которым они разговаривали всю дорогу, прощально помахал ей, прижимая к уху трубку телефона-автомата. Занятный человек – рядом с ним время пролетело незаметно, что-то в нем есть...

Даже чуть жаль, что больше не увидимся.

А сама она сегодня звонить не будет, решила Рита, просто поедет. Завтра, в понедельник.

Автобус тронулся.

От Парижа ожидалось многого, но то, что у гида, высокой блондинки чуть старше двадцати лет, окажется торопливый малороссийский говорок, стало для Риты полной, не совместимой с реальностью неожиданностью.

«Здравствуйте, меня зовут Виктория. Я ваш гид. Сейчас я познакомлю с программой. Мы приедем в гостиницу „Роял Фраментан“ через полчаса и...»

Плавный голос Виктории напомнил Рите голос женщины из Дворца бракосочетания, которым она три с половиной года назад объявила Риту Пестову женой Константина Воронина. Как давно это было! Не успела Рита привыкнуть к состоянию защищенности и освободиться от необходимости самостоятельно принимать всякие решения в своей незамысловатой жизни, как Константин исчез. Да, просто взял и исчез. Хотя у Риты не было опыта семейной жизни, она считала Константина Воронина хорошим мужем. Да и как иначе, она ведь любила его.

Костя стремительно ворвался в ее жизнь. Три месяца продолжался роман, вернее, девятьюносто восемь дней. Позднее, когда все улеглось, Рита, жмурясь от удовольствия, как ребенок,

перекатывающий во рту леденец, вспоминала по часам дни этого странного и увлекательного спектакля под названием «Роман с Костей Ворониным». Роман с КВ.

КВ никогда не назначал свиданий. Он просто приходил туда, где в данный момент находилась она. В самые неожиданные места. Однажды это была парикмахерская. Рита и сейчас убеждена, что ни одним словом не обмолвилась КВ о своем плане предстать перед ним во всем блеске макияжа, выполненного известным Антуаном S. Но вдруг в тот самый момент, когда мастер отводил удовлетворенный взгляд от лица Риты, дверь отворилась, и... К ней шел Костя Воронин! Любимый Костя Воронин! Костя Воронин, который любит Риту Пестову! Он любит своей красавицей Ритой в миг ее триумфа! Как Рита не закричала тогда от восторга? Она замерла...

Только потом, когда время остановилось, Рита догадалась, почему вела себя именно так. Вместе с КВ они разыграли сцену Встречи Влюбленных. Для себя. Им легко было сделать это, ведь они и были влюблены. Но КВ и Рита были щедрыми влюбленными и накрыли волной заразительного счастья всех окружающих: парикмахеров, косметичек, посетителей и прочих, шатающихся по модному салону.

В другой раз КВ подошел к ней в магазине, причем магазин был довольно далеко от дома. А чаще просто подбирал на улице, когда она торопилась по своим делам, и все дела, конечно, тут же откладывались на неопределенный срок. Или она наталкивалась на КВ при выходе из метро, к чему она просто привыкла и удивлялась, если попадала домой вовремя и без приключений.

– Как ты находишь меня, КВ? – спрашивала Рита.

– Я всегда чувствую, где ты, – был ответ.

Вот так вот! Когда они бывали вместе, ужинали с друзьями или вдвоем, просто гуляли, ехали в его машине по Кутузовскому проспекту или стояли на мосту через Канаву у сквера Репина, напротив «Ударника», копались в книжных развалах Кузнецкого и Олимпийского (такое тоже случалось) или выбирали цветы на Таганке, делая вид, что не знают, кому эти цветы предназначены, ей казалось, что они с Костей Ворониным осматривают свои владения и подданные радостно приветствуют их.

Где бы они ни появлялись (особенно там, где его не знали), Рите доставляло большое удовольствие наблюдать, как Константин перехватывал инициативу у окружающих: будь то надутый от комплексов официант, считающий, что ненависть – это нормальное отношение к клиенту, продавщица, обеспокоенная падением своих акций в глазах старшего товароведа, дорожный инспектор, чиновник, прохожий, кто угодно, – все они были обезоружены его доброжелательностью и обескураживающей простотой, но не той, что хуже воровства, а простотой равенства. С ним ей было здорово!

«Сейчас слева вы можете видеть строительство футбольного стадиона, на нем будут проходить матчи чемпионата мира 1998 года. Мы въезжаем в Париж с севера и не увидим центр города. В Париже четыре аэропорта, это...»

А как он любил!

Казалось, Костя Воронин знал про Риту всё. Он появлялся там и тогда, где и когда Рита не просто ждала его – она тосковала по нему. И он приходил. КВ из горячего мрамора. Мягкий, восковой КВ. Нежный КВ, который, казалось, обволакивал со всех сторон. Каждая клеточка Риты чувствовала его, звала к себе, и он не медлил, успевал вовремя. КВ усталый – и тогда хотелось быть ему немножко мамой. Юной, способной успокоить Костю, надежно спрятать его у себя на груди. Наговорить ему множество ласковых слов, добрую половину которых он уже не слышал, потому что спал, и его дыхание согревало самую неожиданную точку на теле Риты. И именно это место КВ потом, наутро, вероломно объявлял захваченной территорией и требовал срочного выкупа. Непомерного выкупа! Ночь любви! И Рита, конечно же, подчинялась. А он покорял все новые и новые территории. Долг ее увеличивался, теперь она практически

вся принадлежала Косте Воронину, и наступило утро – хотя какое там утро, июнь рассветает бесстыдно рано, – когда КВ откинул со лба Риты русую прядь, глубоко-глубоко заглянул в ее глаза, так глубоко, что, показалось, она падает в колодец, и сказал: «Теперь ты моя вся. Ты моя жена. Часть меня. Только попробуй сказать хоть что-нибудь, кроме „да“».

«В Париже тоже есть подобие бульварного кольца, только это вовсе не кольцо. Экстравагантные бульвары, проложенные в конце прошлого века префектом бароном Османом, – излюбленные места парижан для вечерних прогулок. Здесь много ресторанов и кинотеатров. Парижане, вы знаете, по-прежнему ходят в кино. Бульвары – это также сосредоточение дорогих магазинов. „Галери Лафайет“, „Принтамн“ и...»

На свадьбу пришло неожиданно много людей. Хорошо и дорого одетых, с красивыми женщинами высокого роста, женщинами в черных элегантных одеждах, женщинами в бриллиантах по карату, женщинами, знающими себе цену и знающими, что цена эта пока растет. Было вкусно. Даже изысканно. Много деликатесов. Родственников не было.

Риту несколько тревожила мысль, что она, в сущности, мало знает о Косте Воронине, но она прогнала ее, решив не омрачать день свадьбы. Рита никогда не видела КВ в его кругу. Ей казалось, что за КВ светится огромный мир, в который он приглашает, берет ладонь, надевает на безымянный палец колючку... Мир Кости Воронина представлялся ей гигантским гулким храмом, заполненным яркими, умными, счастливыми людьми, которые и всех остальных делают счастливее. Как КВ. «Я люблю тебя, КВ», – шепнула Рита в теплое родное ухо. «Что-то у меня заслезилась глаза, – ответил тогда Костя Воронин. – Ты, наверное, сегодня луковка, Рита?»

Каждый день был как глава в романе или одно действие в спектакле про них с Костей Ворониным, причем каждое имело свое название. Был День Ласковых Взглядов, День Колючих Ежиков, День Опоздания в Гости и несколько Дней Глубокой Тайны. А еще КВ часто давал Рите насмешливые прозвища, созвучные индейским именам, утверждая, что так они лучше отражают сущность Риты.

– Сегодня ты «Гроздь Красного Винограда», – говорил он, отрываясь от ее губ. «Кратковременный Дождь» – это когда Рите неожиданно взгрустнулось и она немножко заплакала. «Группа Продленного Дня» – Рита забрала КВ с работы и не отпустила домой. Но чаще всего КВ называл ее Рио-Ритой или просто Рио. А четырнадцатый день стал Днем Серьезного Экзамена.

Уже полтора часа ехали на машине. Поздний вечер, воскресенье, завтра рабочий день. На Москворецкой набережной Костя Воронин неожиданно (как это на него похоже!) заявил, что время истекло, терпение кончилось, и он заключает Риту в свои объятия. Тут же перестроился в правый ряд, вырулил на мост и свернул к недавно открытому и слышшему самым изысканным местом в городе отелю «Балчуг-Кемпински».

Неприступный молодой человек в сером двубортном френче стоял у входа.

Память, подобно кропотливому реставратору, восстанавливала детали того дня.

«Тут принимают уставших и заблудших?» Скорее утверждение, чем вопрос.

Рита охнула от дерзости КВ. А вообще-то им позволительно входить сюда в таком виде?

Швейцар, хоть и озадаченно, но распахнул двери.

Заблудших? Пожалуй, здесь других и нет.

В тот день они возвращались из-за города, где гостили одни в рубленом доме с большой усадьбой.

Сами носили ледяную воду из колодца. Собирали крупную пыльную малину в алюминиевую кружку. Ночевали на полном шорохов сеновале. Разожгли гигантскую печь и даже двигали в ней ухватом зкопченный чугунок с тем, что впоследствии, сидя вдвоем за большим крашеным столом, нахваливали и проникновенно, но без малейшего на то основания называли старинным словом «щи». Затем лежали на выцветших раскладушках в саду под низкими виш-

нями, и по их голым телам скользили пятнистые тени от листьев и ягод. Казалось, ягод было больше, чем листьев, и КВ тянулся длинной рукой в самую гущу, рвал и по сходной цене продавал их Рио – один ласковый взгляд за горсть. Ладони его были красны от сока.

День угасал, к вечеру слетелась мошкара, им пришлось покрыть головы. Рио оказалась в косынке, завязанной на затылке, а Костя Воронин – в коричневой кепке, которая шикарно смотрелась бы в середине пятидесятых. Так и поехали они, управившись с хозяйством, не спеша, с достоинством. Самостоятельные и спокойные. Так и вошли они в это кондиционированное, нарядное место, рассчитанное на людей, пропитанных цивилизацией.

В вестибюле отеля деловитая мадам, улыбка которой была оттиснута на лице вместе с вручением диплома иностранного колледжа, где обучают организации гостиничного обслуживания, мучительно, но безуспешно пыталась продемонстрировать радушие. Не очень-то пока выходила сердечность, зато глубокие сомнения в достаточных финансовых возможностях кошелька КВ у нее уже получались неплохо. А за сцену немое вопроса, посещали ли эти господа районный ЗАГС с целью вступления в законный брак, ей братья было рановато. Обращения еще не хватало.

Костя несколько успокоил ее, протянув золотистую карточку, и, прикидываясь оробевшим, заглядывая в глаза, попросил, чтобы окна выходили на Кремль: дескать, мы приезжие, ничегошеньки в жизни не видали.

Рита провела рукой по лицу, возвращая себя в Париж, но у нее не получилось.

Гостиничная комната оказалась выполнена в стиле скрытого темперамента. В ванной резвился не оставляющий места стыду свет.

Для начала они чуть не захлебнулись. Вода, смывающая деревню, не имела с колодезной ничего общего. Коричневая кепка еще пыталась отстаивать свои права на крючке рядом с похожими на шубы белыми полотенцами, а косынка уже на глаза не попадалась. Затем шелковые прохладные простыни скользили и несли Рио к краю жаркой пропасти, но она была бесстрашна. И приняла вызов достойно...

Утро застало КВ на подоконнике.

Сонная Рио перекатилась на соседнюю половину постели, рассчитывая привалиться к теплому плечу Кости Воронина, но, не встретив теплого препятствия, удивилась и проснулась.

КВ смотрел на набережную.

Был тот серый час, когда еще непонятно, каким будет наступающий день. В Кремле не светило ни одно окно.

– Почему ты не спишь, КВ?

– Потому что люблю тебя, Рио-Рита.

– Ответ засчитан. У тебя пять с минусом, КВ.

– А почему же с минусом, моя Рио-Рита?

– Высший балл, Костя Воронин, это как раз пять с минусом. С косым, задраным в небо минусом.

– Ну что ж, ставь с минусом. Где тут для него место в твоём дневнике?

День оказался на редкость ясным, и КВ целиком посвятил его Рите. И все оценки ему выводили с минусом. Весь одиннадцатый день Рита звалась «карамелькой». Никак не снимался... фантик. Ну, хоть ты тресни! Костя весь измучился, все проклинал каких-то кондитеров...

Шестьдесят четвертый – «Весть о пожаре». Рио так кричала, что, как наутро докладывал сияющий КВ, он был удивлен неприбытием сюда бригады пожарников во главе с брандмейстером. Пожарная каланча – рядом, видна из окна. Эту ночь они провели в Сокольниках, в маленькой квартирке тети Юлии, двоюродной сестры Ритиной мамы, которая попросила поливать цветы, пока они с мужем живут на даче. КВ пришел в восторг от интерьера тридцатилет-

ней давности, от ковриков, подушек, стопок, и... они никуда не уехали. Потом долго слова «поливать цветы» имели для них отдельное значение.

Естественное дело, в некоторые дни Рита была, к обоюдному сожалению, «куклой-неваляшкой».

«Париж поделен на двадцать округов. Самый престижный для проживания – шестнадцатый. Наиболее интересны с точки зрения туризма центральные округа, с первого по девятый. Вы будете жить в девятом, недалеко от „Опера Гарнье“ и площади Марии Магдалины, по-французски – Мадлен...»

На семьдесят восьмой день, день свадьбы, Рита оказалась «луковкой».

Был ли КВ красив? Да, разумеется. Он был прекрасен. Но Рита не умела сказать ему об этом так, как он того заслуживал. Она украдкой, а порой и откровенно любовалась Костей Ворониным. Его бровями, пальцами, шеей, чем угодно. Временами, особенно в первые недели знакомства, ей хотелось чуть ли не кидаться к окружающим: «Смотрите, как он здорово устроен, как ладно скроен, как мило выглядят его укромные впадинки, таинственные ущелья, мужественные выпуклости. Все важно и интересно. Как он ловок и целеустремлен. Как уютен и незащищен. Он совершенен! И все это мое. Мое! Завидуйте мне! В любой момент могу потереться щекой о его плечо или взять под руку, взерошить волосы или вообще поцеловать в уголок его чудесных губ, даже если в это время он с кем-то говорит по телефону. И мне ничего не будет, он не прогонит, а наоборот, сделает так, чтобы мне было удобней. Подыграет, если мне вдруг вздумается похвастаться им перед знакомыми и незнакомыми, захочется, чтобы люди вокруг подумали: „Ах, как этот человек любит нашу Риту!“»

«Париж красив утром, когда он только проснулся, или вечером, когда зажигаются огни и город надевает нарядное платье. Сегодня в восемь вечера будьте готовы – у вас встреча с Парижем на корабле „Бато Муш“. А вот дневной Париж утомителен. Он чересчур занят и светлив...»

А каким он оказался сильным! В своих мягких свободных пиджаках Воронин производил впечатление несколько вяловатого затворника, далекого от свежего воздуха и, конечно же, от спорта. Но стоило ему раздеться... Нет, он не был громоздким атлетом, но в его фигуре, пластике, повадках угадывалась нацеленность на молниеносный, точный удар, как у теннисистов или людей, хорошо играющих в волейбол. Тело расслаблено, пока вся игра проходит в недостижимой отдаленности, только внимание участвует и цепкий, умный взгляд.

Что касалось денег, то тут Рита не могла разобраться: богат ли Костя Воронин, а если да, то насколько. Впрочем, она и не хотела. Ей было достаточно того, что деньги у КВ всегда были. Он открывал бумажник и расплачивался, иногда нарядными пластиковыми картами, диковинными в ту пору, но, как правило, наличными. Спокойно и привычно. Он не был ни мотом, ни, наоборот, скрягой. Он просто жил, а для жизни нужны деньги, и, казалось, поэтому они у Кости были. Через неделю после свадьбы он попросил у Риты паспорт и спустя несколько дней вернул его вместе со сберегательной книжкой на имя жены. Раскрыв ее, Рита узнала, что стала обладательницей двадцати пяти тысяч долларов, внесенных небольшими порциями на срочный депозитный счет с автоматической пролонгацией в небольшом банке. Ничего торжественного или хотя бы особенно серьезного в поведении КВ Рита не заметила. Только фраза о том, что не следует молодой неопытной даме, тем более замеченной в совершении опрометчивых поступков, а именно: в скоропалительном замужестве со взрослым малознакомым мужчиной (что, несомненно, говорит о ее легкомыслии и ветрености), распространяться о наличии неких денежных средств при ком бы то ни было, – только эта фраза немного выпадала из привычного ряда их диалогов. КВ иногда принимался вдруг изъясняться сложными оборотами.

«...намечено пять экскурсий, во время которых постараюсь показать вам Париж. Но открою правду...»

И потекла семейная жизнь. По утрам Костя уходил на работу позже Риты и поэтому дольше валялся в постели, проявляя неожиданное вероломство. Его длинные руки могли внезапно и стремительно, как щупальца осьминога, выстрелить из-под одеяла, пытаясь захватить Риту и затащить обратно в сладкую ночную нору, если она имела неосторожность в утренней спешке пронестись в опасной близости от их супружеского ложа.

– Меня уволят, Костя, – шептала пойманная Рита, замирая в тесных объятиях, чувствуя сквозь уже надетое платье волнующее тепло мужчины. – Мы останемся без средств к существованию, без единой корочки хлеба и умрем в этой кровати от истощения. Подумай, КВ.

КВ картинно думал и... прижимался теснее.

Рита в то время работала в небольшой и не особенно процветающей фирме индуса из Бомбея, подданного Великобритании. Названия своей должности она не знала, только функции. Переписка на двух языках – русском и английском, решение хозяйственных вопросов, управление офисом, организация встреч и контактов с чиновниками, присутствие на переговорах и прочее. Только не надо «и прочее» трактовать слишком широко: индус был пожилым и непьющим. Тем более, что КВ быстро подружился с ним.

«...Эйфелеву башню или Центр Помпиду. Париж надо почувствовать. Прогуляйтесь по Люксембургскому саду или Булонскому лесу, посидите в кафе – по-парижски „брассерри“, – разглядывая людей, отдохните на набережной Сены у самой воды. Тогда вы, может быть, разглядите Париж».

День, когда жизнь Риты Пестовой превратилась в кошмар, начался как обычно. Как обычный счастливый день Риты Пестовой. КВ дурачился утром, мешал своей Рио-Рите быть дисциплинированной сотрудницей торговой фирмы с долей иностранного капитала. Тем не менее в тот день Рита не опоздала на работу и не ловила на себе ироничных, многопонимающих взглядов сослуживцев, в глубине души сожалеющих, что Рита досталась не им. Как обычно, дел было невпроворот. Только около двух часов она вспомнила, что с утра не разговаривала с мужем, и позвонила ему. КВ был на рабочем месте. Они поболтали. Планов на вечер не строили, предполагалось, что увидятся вечером дома. Но что-то все-таки насторожило Риту, вернее, потом она часто вспоминала эту фразу, не вытекающую из разговора органично, а идущую как бы поперек. КВ сказал: «Каждый живет свою жизнь сам, Рио-Рита. Не волнуйся за меня. Попробуй думать обо мне головой. У тебя получится».

Вечером КВ не пришел домой. Не позвонил. И ночью КВ не пришел и не позвонил, и утром не пришел, и вот уже больше тысячи дней он не приходил и не звонил. Звонили, приходили, останавливали на улице, сажали в машины и увозили совсем другие люди. С некоторыми она познакомилась на свадьбе или в офисе КВ, иных видела впервые, но все они были обеспокоены исчезновением КВ. В голове Риты гладкими тяжелыми камнями откладывались их сплошь односложные имена: Юра, Гера, Петр, Глеб, без отчеств и фамилий. Они требовали рассказать, признаться, позвонить, передать КВ, что они ищут его и будет лучше, если он найдется сам. Они добивались, чтобы она по минутам рассказала последние дни КВ: что делал, с кем говорил, кому звонил, писал, что получал по домашнему факсу. Просматривали счета за телефон, рылись в бумагах. В начале они даже помогали Рите в поисках, не оставляли ее одну. Звонили в морги и больницы, ходили с ней в милицию писать заявления, предпринимали еще что-то, связанное с авиарейсами и посольствами. Тщетно. Но, как по команде, дней через пять или шесть тон резко изменился. Что-то произошло. Ей стали откровенно угрожать. Отвезли за город на какую-то шикарную дачу, посадили перед собой – и Рите было сказано, что ее муженек, ее Костя Воронин подставил ребят так, что им ничего не остается, кроме как забрать его жену на мясо. Сказано было веско и спокойно. Так страшно, как тогда, Рите еще никогда не было и уже, скорее всего, не будет. За те три дня в комнате без окон с тяжелой дверью, из-за которой часто слышались приближающиеся тяжелые шаги, она должна была сойти с ума, и удивительно, что не сошла. Где КВ? Жив ли он? Что будет с ней? Убьют? Замучают? Пери-

оды удушливой паники сменялись безразличным окаменением. Мозг отказывался служить ей и хранил только страх. Время, наверное, шло, но как-то отдельно от Риты. Часы остановились на без пятнадцати шесть.

О чем они говорили в последний раз? Ни о чем. Как он смотрел на нее, когда расставались? Как обычно. Подумай! Подумай, как он говорил, головой. Как будто можно думать чем-нибудь другим. А Рита не могла. Вспомни! Не вспоминалось. Ничего не могла ни придумать, ни вспомнить. Только бояться у нее получалось хорошо. Только это. Но тоже до определенной поры. А потом она устала даже бояться. Уснула. Со снами. И приснилось ей, что она еще студентка, на картошке. Вечер, костер, преподаватель с кафедры статистики, их руководитель, задает им задачку. Когда Рита проснулась, она вспомнила ее. Красивая задача. У великого шаха было семь визирей и каждый из них женат. По одной жене на визиря, значит. Шаху донесли, что жены некоторых визирей неверны своим мужьям, причем эти неверные жены, изменив раз, дальше изменяли со всеми визирями подряд. Шах верил в ум своих визирей и поступил так. Собрал визирей и сказал: «Некоторым из вас, о визиря, жены изменили со всеми вашими коллегами. Отправляйтесь с женами в крепость, запирайтесь каждый со своей в отдельном каземате и не выходите оттуда, пока своими руками не покараете неверных. Ступайте».

Проходит ночь. Стражник обошел казематы, увидел, что все жены живы, и рассказал об этом шаху и визирям. Прошла еще ночь, и опять все жены живы. Третья ночь – безрезультатно. А на четвертую ночь неверные жены были зарезаны. Не все, а только неверные. Сколько было неверных жен?

Шесть лет назад у костра студентам не хватило терпения распутать клубок измен в стане шаха. Веселей было просто болтать и смеяться, но сейчас Рита заставила себя сосредоточиться и думать за каждого визиря отдельно. Первая ночь. Я визирь. Как я пойму, что моя жена мне неверна? Только в том случае, если я с другими женами ни-ни, при этом доподлинно известно, что хотя бы одна грешна. Значит, моя. Но первую ночь пережили все, следовательно, нет ни одного визиря, не попробовавшего чужой жены. То есть неверных жен как минимум две. Вторая ночь. Визирь, имеющий на своем счету только одну из жен других членов правительства, должен обоснованно усомниться в верности своей и тут же казнить ее. Утро. Все жены целы. Значит, нет среди визирей и «одноразовых» изменщиков. Третья ночь. Целы все. Выходит, нет и таких, что изменили всего с двумя женами. А вот на четвертую ночь все, кто спал только с тремя чужими женами, убили своих. Таких мужчин должно быть четверо.

Рита одержала маленькую логическую победу и стала рассуждать о своих делах. Что же произошло? КВ скрылся. От кого? От Риты, своей жены, и своих партнеров. Если бы он хотел покинуть только Риту, стал бы он нервировать партнеров? Нет. Он сказал бы им, что уходит от жены, и все бы знали, как отвечать на ее вопросы, если бы таковые возникли. Тут дело не в жене. Да и иначе он мог поступить. Делиться и ссориться не из-за чего. Прости, разлюбил, мол, и дело с концом. Рита догадывалась: с исчезновением КВ эти ребята лишились весьма внушительной суммы. По виду парни не похожи на тех, для кого сто долларов – заметные деньги. Размер их потери она не могла представить даже приблизительно. Петр и остальные не верят ни в какие несчастные случаи, загулы, запой и прочее, иначе бы они искали КВ. Не верят в случайность. Костя Воронин сбежал. С деньгами. Кто для него эти люди, что держат сейчас Риту в плену? Друзья? Нет. Особой дружбы не было. Партнеры? Они совсем разные. Или он для них – наемный работник? Похоже, да вот только КВ был слишком свободен, во всяком случае с ними держал себя весьма независимо, на равных. Вероятно, они заказчики. Заказывали работу, он выполнял ее по контракту, за деньги. Что за работа? Рита не знала точно, но догадывалась, что речь идет о денежных переводах, взаимозачетах, депозитах, открытии счетов в банках, регистрации компаний за рубежом и тому подобных вещах. КВ никогда не рассказывал о своей работе, правда, и не скрывал ничего специально. Судить она могла по обрывкам телефонных разговоров, фразам на экране компьютера, факсам, на которые она бросала взгляд,

когда отрывала. Так или иначе упоминаемые суммы, с точки зрения Риты, были гигантскими – сотни тысяч в разной валюте.

Что грозит сейчас Рите? Да все что угодно! Могут с нею расправиться и хотя бы этим досадить КВ.

«Но я появилась в жизни Кости недавно, и он оставил меня, а значит, не дорожит мною, как бы говорит: берите ее, не жалко. Правда, КВ только что женился на мне. Для чего? Любил? Весьма похоже было. А что если только демонстрировал, и не ей, а тем, на кого работал? Кто знает?» Так размышляла она, сидя в ярко освещенной комнате, слушая приближающиеся шаги. «А вдруг у него не было времени, и он меня оставил с надеждой вернуться за мной. Тогда зачем им убивать меня или издеваться? Если я исчезну, то оборвется единственная нить, связывающая их с КВ. Нет, убивать меня или калечить – слишком расточительно. За мной надо наблюдать. Следить. Сейчас для острстки нужно, чтобы КВ узнал, что я у них, занервничал, проявил себя». Рита машинально завела свои часы, стрелки снова начали отсчет.

«Если они изуродуют меня, а я по-прежнему дорога КВ, как он отреагирует? – размышляла Рита, не замечая, что пытается убедить себя, будто ничего ей не грозит. – Меня разлюбят, видеть не захочет, нить оборвется. Нет, трогать меня нельзя. Я необходима как приманка, соблазнительная приманка. Будем надеяться на их разум. От моей смерти или мучений они, если я ничего не знаю, не выиграют, а если бы я знала что-то важное, то зачем меня оставлять им? Не хочешь брать меня с собой, то можно спрятать так, что никакой Юра с Петром не найдут».

К тем же выводам, вероятно, пришли и они.

«...с желающими мы можем посетить Диснейленд, Версаль и проехаться по замкам Луары...»

Выпустили Риту вечером. Подвезли к ближайшей станции метро, открыли дверцу автомобиля – выходи. Станция оказалась «Домодедовской». Но перед тем, как захлопнуть за ней дверцу, Петр сказал: «Будут новости о КВ – позвони», – и протянул бумажку с телефонным номером.

С работы Рита сразу уволилась, из квартиры КВ забрала свои вещи и вернулась домой. Месяц тенью слонялась по дому, вздрагивая от каждого шороха. Много спала: мама пичкала таблетками. В середине ноября, устав от жалостливых родительских взглядов, пошла работать. Оказалось, что устроилась удачно. Риелторская фирма, куда ее взяли менеджером по рекламе, процветала. Через год Рита, практически не влезая в долги, въехала в собственную квартирку на Нахимовском проспекте. К деньгам, оставленным КВ, она не прикасалась. Появились новые знакомые и приятельницы – молодые женщины, умеющие работать и жить в свое удовольствие, но от удовольствий Рита пока старалась держаться подальше.

«Ну вот, мы почти и добрались. Сейчас проезжаем знаменитое „Мулен Руж“ – кабаре, куда я вам настоятельно рекомендую сходить. „Мулен Руж“ находится у станции метро „Блани“, рядом с улицей Пигаль, весьма специальной и очень парижской улице. На Пигаль будьте внимательны, на уговоры зывал зайти в бар, „взглянуть“ – не поддавайтесь».

Через полгода Рита получила в милиции бумагу о том, что Константин Воронин пропал без вести. Так и жила она, с записью в паспорте о регистрации брака и со справкой о своей свободе.

Сейчас Рита Пестова в составе туристической группы прилетела в Париж не на экскурсии, а на вскрытие посмертного завещания мужа.

ГЛАВА 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЕРИНГ

Париж сделал вид, что со мной не знаком. Взглянул мельком и опять сосредоточился на походках крашенных блондинок с силиконовыми бюстами. Хотя я и не рассчитывал на какой-то особенный прием, но зачем уж так перегибать-то? Дуется, словно пацан. Видно, обиделся, что я ему не писал. Ладно, отойдет.

А вот погода выдалась совершенно правильная, московская погода, в духе суровых будней, когда так и тянет поскорее влиться в плотные ряды неутомимых тружеников и в едином порыве, стиснув плечо к плечу, шагать к светлым, пока еще не покоренным производственным вершинам или срочно воплотить идеи Партии и Правительства в чью-нибудь жизнь. Руки чешутся поработать. Со мной в первые дни командировки так всегда. Место и время года не имеют никакого значения. Итак, испытывая прилив сил, я устремился к выходу, рассчитывая на приятное продолжение знакомства с красоткой Ритой, соседкой по перелету из Москвы.

А что же Рита? Рита тем временем, как я видел, спускалась по пыльной трубе эскалатора и походила издалека на крошечную часть гигантского учебного пособия.

Вертикальная Рита ничуть не уступала в привлекательности Рите, изломанной самолетным креслом. Даже превосходила.

Если во время перелета мне выдалось наслаждаться ее обществом одному, то здесь, в аэропорту, сразу несколько мужчин отметили появление Риты. Возможно, эти господа, повинаясь врожденному половому инстинкту, вызывающему, как известно, неуместное одеревенение брачной железы, имея свободную минутку, всего лишь пытались составить о Рите Пестовой полное и всестороннее впечатление и использовали при этом один только невинный метод визуального сканирования. Но вдруг они ее встречали специально? На всякий случай я запомнил их всех и в качестве наказания наградил каждого нелицеприятной кличкой. Толстяка в синем пальто с рыжими бровями, подробно, начиная с лодыжек, изучавшего Риту, как меню в забегаловке, я назвал кратко – Хряк. Другого, с длинноносой головкой, уставившего взгляд голубеньких, словно разбавленных молоком глазок, в трогательные выступления мадам Риты, я окрестил Бесшумным Дятлом. Следом шли два крепких, как грибки-боровички, молодца лет под тридцать каждый. Один другому что-то настырно выговаривал, поучал, близко поднося свой рот к лицу второго, словно хотел куснуть, а тот недовольно морщился, отстранялся, и оба при этом косились на Риту. Эти пусть будут Грибков и Грибоедов. Следом получили свое Пузырь, Пенек и Размазня. Давая прозвища, легче запомнить внешность.

А Рита между тем, никого не выглядывая в толпе встречающих, подхватила клетчатую сумку и подошла к молодой женщине-гиду с табличкой «Эр Вояж» в руке, возле которой уже скопилось полтора десятка наших соотечественников. Точно напротив группы, за стеклянными дверями зала прилета был виден автобус с такой же надписью «Эр Вояж» и номером телефона на борту. И мне ничего не оставалось, кроме как тут же в зале набрать номер этого туристического агентства по телефону-автомату и сказать:

– Аллю, мадемуазель, это агентство «Эр Вояж»? Моя фамилия Камю, я должен был в аэропорту «Шарль де Голль» встретить русскую туристку по имени Рита Пестова, она везет посылку от московских друзей. Но, к сожалению, не успеваю этого сделать. Где сегодня ее можно будет найти? Да, мадемуазель, ваша туристка, мне говорили московские друзья. Рейс 251, «Аэрофлот». Посмотрите, пожалуйста, мадемуазель. О, мерси! Значит, отель «Роял Фрагментан» возле метро «Пигаль»? Мерси. На сегодня ничего не запланировано? Так. Среда – сити-тур с Эйфелевой башней в десять утра, вечером Лувр. Мерси, мадемуазель.

Разговаривая по телефону, я поймал на себе взгляд поднимающейся в автобус Риты и смастерил в ответ самое приветливое из возможных сокращений лицевых мышц. Специально для нее. Пока я возвращал лицевую мускулатуру в обычное состояние, автобус тронулся.

Еще в Москве я забронировал себе номер в отеле «Регина», с окнами на Лувр, попросил приготовить мобильный телефон французского оператора и подогнать к подъезду скромный «рено». К двенадцати часам. Сейчас девять пятьдесят, время есть. Поеду-ка я в город на метро.

Мы, жители столицы, отчетливо понимаем великое, не побоюсь этого слова, значение метрополитена в жизни Москвы. Настолько, что отметили его эпохальное влияние, поменяв его имя со второсортного, с точки зрения истории, Лазаря Кагановича на первоклассного Владимира Ильича Ленина. Парижане же пошли еще дальше, и даже Наполеон Бонапарт (не говоря уже о Людовике Четырнадцатом «Солнце») им показался фигурой мелковатой для сравнения с нею парижского метро. Так парижский метрополитен остался без имени...

Как будто прочная стальная сеть больше ста лет назад опустилась на город. Когда глядишь на карту парижского метро и перемещаешься по ней с линии на линию, не покидает ощущение, что когда-то сеть была правильной геометрической формы. Но с течением времени от собственной тяжести вросла в землю, хотя и не везде. Отдельные части ее покорежились, иные сомкнулись, каких-то участков вообще больше нет. Человеку, воспитанному на строгой схеме из одной кольцевой линии и нескольких радиальных, парижское метро покажется запутанной и избыточной забавой, с одной стороны похожей на детскую железную дорогу, а с другой – на старческую кровеносную систему со всеми вытекающими из этого сравнения последствиями и аналогиями. Чем объяснить возможность попадания со станции «Шарль де Голль Этуаль» на станцию «Насьен» тремя способами и, отметим, без пересадок? Только легкомыслием парижан, в какой-то момент заболтавшихся с дамами за бокалом вина и утративших контроль над строительством, после чего метро строилось как бы само собой. Но пользоваться им удобно и не утомительно. Тихо, можно курить на платформах.

Так размышлял я, переходя с ветки на ветку, пробираясь на восток Парижа. Подъезжая к станции «Пиренеи», я, по неискоренимой привычке, проверился и теперь знал, что хвоста за мной нет.

Улица Пиренеев всегда имела озабоченный вид. И мой старый товарищ Николаша Перегудов, осевший здесь в начале девяностых, обладая неброским, но прочным талантом мимики, перенял от нее основные черты.

Выглядел он теперь обремененным массой мелких и хлопотных проблем, реально имея только две – на какую бы мадам упасть, не затрачивая лишних усилий, и как бы постремительней разбогатеть. Обе задачи решались, но лишь частично. Женщины ему не отказывали, хотя несколько не те, о каких ему мечталось. Старше, что ли? Бледнее? Не того круга? И денюжки водились. Однако не в таких количествах, чтобы, глядя на Николашу, можно было сказать: уважаемый господин. И квартирка его расположена в скромном районе, и из экономии он возвращался сюда после ужина в алжирском ресторанчике чаще на метро, чем за рулем своего совсем не нового автомобиля марки «ситроен». Работать ему приходилось много. Жизнь в Париже дорога. Николаша был глубоко законсервированным агентом некогда мощной организации союзного значения. И так глубоко законсервированным, что даже сам точно не знал, законсервирован ли он осмысленно или попросту забыт.

Поднимаясь по темноватой лестнице на четвертый этаж, я был уверен, что застану Николашу за учебниками или компьютером. Чтобы поддержать свою многократную въездную визу и вид на жительство, он вынужден был постоянно где-то получать платное образование. Именно на таких условиях Франция позволяла Коле ходить по своей столице в сером плаще и надвинутой на глаза шляпе. Носить с собой кинжал она не разрешала.

На моей памяти Николя получил три высших образования. Экономическое – еще в Москве, кинематографическое – в школе «Фемис» в Париже, что-то авиационное – там же. Сейчас, по последним сведениям, он заканчивал второй курс правового колледжа.

По большому счету, ему было безразлично, чему именно учиться, лишь бы за это не требовали больших денег и продляли право жить в Париже. Тем не менее, приобретенные обширные знания не выветривались у него из головы, а прочно оседали, в ожидании своего часа. Николаша не знал пока, с какой стороны и в какой области судьба предоставит ему шанс для нанесения точного удара, и поэтому был готов ко многому. Если этим шансом будет богатая нестарая вдова из Кале, то Коля как раз тридцатилетний стройный человек приятной наружности, с которым не стыдно и не опасно появиться в любом обществе. Он исполнит все качественно и даже артистично.

Мне не забыть, как мы с ним и тогдашней его парижской подружкой мадам Анни, между нами называемой Нюрой, неделю шатались по Москве в последнее его возвращение за инструкциями. Тогда он очаровательно и ненавязчиво обучал француженку «великому и могучему». Как в непрерывном захлебывающемся потоке французской речи нередко попадались, как изюм в булке, пикантные русские глаголы: «писать», «какать», «тужиться» и «терпеть». Причем со стороны эта пара выглядела воплощением достоинства и заграничного лоска. Не того хамского самодовольства, которое щедро растеклось сейчас по улицам Москвы, а именно породистого достоинства. Исполнено было на загляденье.

Но, допустим, возникла потребность в консультанте при организации сделки с российским предприятием бывшего оборонного комплекса на сумму 10–20 миллионов франков. Кто будет приглашен для участия в предварительных переговорах? У кого будут спрашивать: «Что это так многозначительно отводят глаза чиновники по ту сторону стола? Чего им еще надо? А сколько? А зачем так много!»? Опять Николаша в первых рядах кандидатов. Он свой и для тех, и для этих. Хотя на визитной карточке у него написано «Nikolas Peregoudoff, consulting & marketing», он может и многое другое. К примеру, говорит на четырех языках. В Италии – как итальянец, в Англии все его понимают, испанскому его научила женщина из страны басков (опасная, думаю, была связь, могла и прирезать, ревнивица).

Я как-то спросил его, на третий год его жизни во Франции:

– Ты, наверное, владеешь французским языком как парижанин?

– Ну что ты! – отвечал Николаша. – Парижанин обволакивает женщину речью, как паук, ей потом некуда деться, дорога одна – спальня. А я так себе, дубоватый парень из рабочего предместья, подпарижского Раменского. Мне еще далеко до местных ребят.

Даже управлять самолетом выучился, летает по выходным. Считает, может пригодиться. Надеюсь, мне это его умение не потребуется, хватает автовождения. Пару раз доводилось быть его пассажиром. Водит эмоционально: орет на остальных участников движения, нервно сигнализирует при чьей-либо малейшей попытке помешать ему рулить, как на единственной машине на земле. При этом фыркает гнедым меринком, вскидывает руки, закатывает глаза, иногда показывает средний палец в зеркало заднего вида и так далее. Примечательно, что, выходя из автомобиля, опять становится нормальным человеком – рациональным, трезвым, с приемлемым показателем допускаемых ошибок, инициативным, способным принимать решения самостоятельно. Такой парень может оказаться весьма полезным в моей деликатной миссии.

– Здравствуй, Николаша, это я.

– А, давно не виделись, – размашисто проговорил Николаша, обнимая меня и троекратно прикладываясь в обе щеки. – Какими судьбами? По делам?

– Точно. Вот работенку хочу тебе предложить. Деньги нужны? – говорил я, глядя, как он разливает водку по строгим, вывезенным с Родины стопкам.

– Никогда не помешают. Ну, за встречу! – Коля выпил, вытер губы тыльной стороной ладони и сказал: – Ладно, команданте, работаем. Ну, а как мне тебя теперь называть?

– Зови меня запросто – Борис Витусович Беринг.

– Ну и нагородил! Проще надо быть! Народней. Хотя бы как в прошлый раз. Помнишь? Юлий Афанасиевич Никитин. Простенько, но с российскими корнями.

– Извини, ничего другого под рукой не оказалось. Потерпи меня таким неделки две, Николаша.

ГЛАВА 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИТА

В понедельник, вопреки строгим рекомендациям синоптиков, над Францией было безоблачно. Местное солнце проскользило, не встретив сопротивления, над Эльзасом, блеснуло в водах Марны, легко управилось с Шампанью и только тогда, основательно опершись на стеклянные бока Дефанса, вдумчиво приступило к кропотливому процессу инспектирования тупичков и закоулков на склонах горы Монмартр, в северной части известного города. Окно на седьмом этаже дома номер одиннадцать по улице Фраментан оно отыскивало без особого труда. Часы вокзала Сен-Лазар в этот момент проббили ровно семь раз.

Рита уже не спала. Тревога каплей тяжелой холодной ртути плескалась в ее сердце.

Сегодня, в десять утра, Рите назначено явиться в нотариальную контору мэтра Оливье Гибера, имея с собой перечисленные в письме документы и само письмо. Улица Шатедум, шесть. Недалеко, можно пойти пешком.

Это письмо Рита получила необычным образом. Примерно месяц назад его нашла в своем почтовом ящике тетя Юлия, та самая, у которой Рите и Косте Воронину нравилось поливать цветы. Письмо, написанное на французском языке, имело английский перевод и было обращено к мадам Р. Пестовой.

Некий мэтр О. Гибер приглашал третьего марта (вписано от руки) госпожу Пестову по поводу посмертного завещания ее мужа. Имя мужа не указывалось.

Гирлянда воспоминаний пришла в движение и засверкала новыми огнями и красками. Рита, казалось бы, успокоившаяся и отдохнувшая от страданий, заново пережила череду испытанных чувств. Боль, страх, горечь покинутой женщины и злость на КВ были самыми простыми из них, самыми ясными. Кроме них, Рита различила и смутное беспокойство от неизвестных, но заведомо грозных сил, которые, как почувствовала Рита, три года спали или, вернее, дремали, а сейчас заворочались, готовые проснуться. И ничего хорошего от их пробуждения ждать не приходилось. Она отчетливо ощутила опасность. Но, к удивлению, нашлось место и хрупкому живчику жалости к себе в огромной гулкой пустоте потери.

– Что же со мной делают, – прошептала тогда Рита.

Она никогда, даже в самый тяжелый час, не желала КВ смерти. Словно по забывчивости не погашенная в дальнем чулане лампочка, в самом укромном уголке ее души светилась надежда, что наступит день – и КВ, как и прежде, окликнет ее у метро и поведет за собой. А сейчас некто обнаружил лампочку, пыльную, неизвестно сколько времени горевшую, и, удивившись, сказал: «Надо же, напрасно горит электричество». Но не погасил, пока... По щекам Риты текли слезы. Контора О. Гибера располагалась на втором этаже. По интерьеру, мебели, люстрам и лицам было понятно, что заведение свою лучшую пору уже пережило. Все происходило предельно обыденно. Не было никакой внимательной многозначительности в пойманных на себе взглядах, торопливости, вызванной ее появлением, нарочитой серьезности.

Рите предложили сесть. Секретарша средних лет исчезла за глухой дубовой дверью, которую еще пару лет назад следовало покрыть лаком заново. В приемной над темными панелями висели два портрета. Почтенные господа в одеждах начала века взирали в окно, исполненные справедливой уверенности, что именно за ним следует искать беззаконие. Рита взглянула тоже. Почти напротив – окно выходило на улицу – располагалась церковь Миссии Доминиканцев, а перед ней в одиночестве стоял мужчина в великоватом черном пиджаке. Совсем не похож на верующего, явный атеист. Рита отвернулась. Остававшийся в комнате молодой человек с собранными в хвост волосами склонился над клавиатурой компьютера.

Секретарша вернулась быстро и пригласила Риту в кабинет.

Мэтр был невзрачен до совершенства. Казалось, никакие проявления жизни не посмели оставить и малейшего следа на его внешности, включая саму смерть, к которой в данный момент он имел непосредственное отношение, будучи как бы ее голосом.

– Бонжур, мадам. Меня зовут Оливье Гибер. Какой язык вы предпочитаете для нашего общения? – проговорил он, внимательно изучая Риту.

Интересно, а на каком говорят на небесах? На каком языке перечисляет наши грехи Святой Петр, отвешивая порцию геенны огненной? Вероятно, на плохом английском, как и во всем брэнном мире. Тогда труднее всех приходится англичанам – они совсем не понимают плохого английского, только хороший. И потом, в аду к основным штатным мучениям добавляются еще и сомнения: а правильно ли был ими понят Святой Петр во время вынесения приговора, какой, собственно говоря, срок? Очаровательно!

– Если мы не сможем по-русски, тогда пусть будет английский, – Рита вопросительно посмотрела на мэтра Гибера.

– Мы в состоянии пригласить специального переводчика и, несомненно, сделаем это, если возникнут подозрения в неверном понимании друг друга. Ваше имя, мадам? – мэтр перешел на английский, и именно неважный. Тем проще будет его речь, решила Рита.

– Мое имя – Рита. Я родилась в Москве. Вот мой заграничный паспорт. Вот внутренний. Это свидетельство о рождении. А эти бумаги – заверенные переводы на французский язык, – Рита ломким, стеклянным, усыпанным мелкими трещинками голосом произносила односложные фразы, как на занятиях по иностранному языку, и смысл произносимого не имел для нее никакого значения: это просто упражнение. Текст не из ее жизни и речь вовсе не о КВ. Сейчас мэтр Оливье – партнер по разучиванию диалога, и можно поправлять его, когда он ошибается, и сверяться по бумажке, если она забудет, что говорить дальше. Но бумагу в руки взял как раз месье Гибер и сказал:

– Пятнадцать месяцев назад к нам обратился господин Жиль Седих с просьбой составить и нотариально заверить его завещание, что и было сделано в полном соответствии с французскими законами. Сейчас мы являемся его официальными поверенными. Кроме этого, он предоставил подробную инструкцию, как оповестить наследников. Но и это еще не все. Им был продиктован сам текст письма и адрес, по которому оно должно быть отправлено. И последнее: в нашем распоряжении находятся фотографии наследников, словесные портреты, образцы почерков и список вопросов, которые, по мнению завещателя, должны полностью исключить возможность ошибки при идентификации личностей наследников.

Рита решила, что все-таки сошла с ума. Она, как натянутая первая струна, летела сюда, переполненная горем, болью за Костю Воронина, чтобы выяснить, что случилось с ним, где он, припасть к его могиле, наконец. Она хотела правды, простой внятной правды о своей жизни. Чтобы прекратить эти терзания. Ну и?.. Вместо этого какой-то неизвестный ей господин Жиль Седих собирается идентифицировать ее, даже не поленился, подготовил ряд вопросов и планирует задать их ей уже после своей смерти, да еще во Франции. А может быть, она тронулась, еще будучи в Москве, и никакого письма не было? И все это бред? А окна комнаты выходят не на церковь Доминиканцев, а во двор больницы имени Кащенко Петра Петровича? Рита резко поднялась и подошла к окну. Церковь стояла, и мужчина прохожий по-прежнему оставался на месте.

Мэтр Оливье Гибер продолжал:

– На данном этапе у меня нет вопросов к вашим документам, тем более что с российскими паспортами я сталкиваюсь впервые. Естественно, они будут проверяться. У меня есть вопросы к вам лично. Ваш рост, мадам?

– Нет, позвольте, господин Гибер, сначала мне. Кто этот Жиль Седих? Я его не знаю. Что ему от меня нужно? Объясните.

Рита быстро заговорила, подавшись вперед и отыскивая в лице собеседника признаки издевки над собой.

– Мадам, по французским законам, любой человек вправе завещать свое имущество кому угодно, кроме специально оговоренных случаев. Даже незнакомому. Но, я полагаю, совсем скоро вы во всем разберетесь, только ответьте на мои вопросы. Они очень просты. Итак, ваш рост, мадам?

Рита покорила:

– Сто шестьдесят пять сантиметров. Но я не понимаю, кому какое до этого дело.

– Цвет глаз, пожалуйста?

– Разве вы не видите сами?

– Мне интересно получить именно ваши данные, мадам. Думаю, вам виднее, простите за игру слов.

Мэтр подвигал губами, что, по его мнению, должно было означать улыбку, а остальных людей, правда, находящихся в более уравновешенном, чем Рита, состоянии, заставило бы по меньшей мере насторожиться и начать вспоминать телефон неотложной медицинской помощи: ведь этот господин явно не в себе.

– Зеленый вас устроит? – Рита была готова уйти и сейчас искала своими зелеными глазами сумочку. Но следующий вопрос ее остановил.

– Какая погода стояла в Москве четырнадцатого мая тысяча девятьсот девяносто пятого года в семнадцать часов?

– Начинался дождь...

Да, в это время начинался дождь, а может быть, гроза. Туча, по форме не отличимая от грязно-серого, усеянного подозрительными разводами, продавленного в центре матраца, надвигалась на Москву с запада. Рита опаздывала. И опаздывала туда, куда прийти промокшей насквозь было хуже, чем не прийти совсем. На собственные смотрины. На деликатное мероприятие, на котором особенно приветствуется консерватизм, а уж внешность будет оцениваться по десятибалльной системе с долями. Рите не хотелось проигрывать. Парень ей нравился. Этакий плюшевый мишка, умненький и домашний. Вот она и торопилась к нему домой, в берлогу. На встречу с мамой-медведицей и папой-медведем, чтобы, как водится, мять его постель. Ну прямо сказка с пирогами.

Рита нервничала, зонтик остался на работе. Не то чтобы она в этого парня была безумно влюблена, просто не просматривалось в обозримом секторе более подходящего кандидата. Перед вестибюлем станции «Маяковская», между колоннами концертного зала скапливался не оснащенный зонтами народ и с опаской разглядывал готовое обрушиться небо, прикидывая, успеет ли добежать сухим до места своего назначения. Рите нужно было в Малый Козихинский переулок. Метров восемьсот.

– Нет, не успеть, – решила она. Пятна на тротуаре быстро сливались в одну лужу, покрытую крупными и прочными до наглости пузырями. Дорога в сказку отрезана.

«Полная нелепость», – почти вслух подумала тогда Рита. Но в этот момент со стороны Тверской, уже Тверской, а не улицы Горького, показался человек с гигантским зонтом над головой. Шатром каким-то, а не зонтом. При желании под ним могло поместиться пять девушек, спешащих на смотрины. Лица человека видно не было.

– Товарищ! Пустите под зонтик, ненадолго, я не помешаю. Я маленькая.

Зонтик приподнялся, человек повернулся в ее сторону.

– Если маленькая, то пожалуйста.

Рита шагнула – и жизни их плотно пересеклись: вместо планируемых пяти минут навсегда. Это был КВ.

Рита уже не торопилась покидать кабинет мэтра Гиберы, она ждала следующего вопроса. И, когда он прозвучал, на глаза навернулись слезы.

– Что сказала медсестра в лесу у деревни Бегичево?

Был жаркий день, суббота, июль. Они выбрались за город. Гуляли в лесу, купались в Оке, дурачились, даже затеяли играть в войну. Рядовой Костя Воронин стал валиться в высокую душистую траву, увлекая за собою медицинского работника Рио, приговаривая:

– Брось меня, сестрица, не тащи. Все равно истеку кровью.

А сам как бы вплетался в Риту руками и ногами, забирался под платье, целовал ее уже где-то возле ключицы, расстегивал неподатливые пуговицы, спешил.

На Риту обрушился сладкий запах полевых горячих цветов, стальной привкус земли, стебли медуницы щекотали шею. Божья коровка невозмутимо ползла по его щеке, видно, они ненароком преградили ей, спешащей по субботним неотложным делам, дорогу. Жаль, мы не хотели тебе мешать, коровка. Любопытная стрекоза подлетела поближе, выясняя, что же происходит на ее участке. Рита тогда торопливо, уже задыхаясь, отвечала:

– погоди, солдатик, не умирай. Я вынесу тебя к нашим.

Такая вот игра.

Ресницам недолго удалось удерживать тяжелую слезу, влажная дорожка на левой щеке закончилась в уголке губ Риты.

«КВ, зачем так туго захлестываешь мне горло? Ты проверяешь, не забыла ли я тебя? Нет, я не забыла. Ты хорошо позаботился об этом. Да, я хотела бы, но не получается».

Даже если бы Рита могла говорить сейчас, то все равно не сумела бы перевести свои тогдашние слова на английский.

– Мадам, вы можете сказать медленно по-русски. У меня есть транскрипция. – Месье Гибер внимательно наблюдал за Ритой. – Только, пожалуйста, потом переведите на английский общий смысл фразы. Но сперва позвольте предложить вам воды.

Хрустальный стакан, наполненный на три четверти водой с мелкими пузырьками, вернул Риту к настоящему. Она попробовала говорить, и русские слова прозвучали в парижской нотариальной конторе как крик заблудившейся в ночном пространстве одинокой птицы.

Тем не менее мэтр был явно удовлетворен, он вдумчиво сверился по бумаге, затем посмотрел перевод, уточнил слово «солдатик». Затем протянул Рите капиллярную ручку и попросил переписать абзац из туристической русскоязычной газеты «Парижские вечера». Рита выбрала кусок из статьи о художнике Сергее Чепике и принялась писать, поглядывая на репродукцию его картины, где пригорюнившиеся, как и Рита, химеры собора Парижской Богоматери разглядывают сверху бесконечный город, на который, как и четырнадцатого мая одна тысяча девятьсот девяносто пятого года, собирался вот-вот обрушиться дождь.

Довольно долго мэтр разглядывал написанное Ритой, сверял то с одним листом, то с другим, прикрывая их, как ревнивый «хорошист» прикрывает от соседа по парте, двоечника, самостоятельную работу по русскому языку.

Она понимала: на этих листах – образцы ее почерка, но не могла определить, когда и что именно она на них писала. Попросить мэтра показать их ей она не решалась – вдруг ее просьба покажется ему подозрительной. Хотя непонятно, какое отношение имеет к ней все, что здесь происходит, и чувства этого человека также не должны ее волновать. Наконец Оливье Гибер положил листки на стол, чуть в стороне от себя. Рита разглядела верхний листок и легко узнала его. Еще бы не узнать! Наутро после того дня, когда КВ не вернулся домой, она нашла в себе силы пойти на работу и, уходя, оставила в прихожей записку на случай, если он все же вернется. В записке она выражала удивление по поводу его отсутствия и просила немедленно позвонить ей, ведь она волнуется и ждет. Вечером Рита вернулась домой не одна: за ней заехал Петр и всю дорогу расспрашивал о КВ. Входили в квартиру они вместе, и она не обратила внимания на отсутствие записки, а потом было не до того. Как же эта бумага попала сюда?

Мэтр проследил за взглядом Риты и ничего не сказал. Он поднялся, открыл массивный сейф, достал из него конверт, вернулся к столу, вызвал по селектору какого-то месье Тома.

Им оказался давешний молодой человек с хвостом. Он сел за маленький столик справа от мэтра. Непостижимо, но крайне серьезному Оливье Гиберу в этот момент удалось стать еще серьезней, торжественнее и строже.

– Мадам, сейчас вам будет зачитано завещание господина Жилия Сидиха. Я обязан сообщить вам, что практика предписывает делать это в присутствии адвокатов наследника, хотя это и не является законом. Вы вправе отложить или перенести прочтение до момента прибытия ваших адвокатов. Ваше решение, мадам?

– У меня нет адвоката, но думаю, я в состоянии выслушать и понять самостоятельно все, что вы мне сообщите.

– Хорошо, мадам. Я вскрываю завещание и вначале прочитываю его вслух по-французски, затем пересказываю по-английски, вы заверяете его, и, вероятнее всего, послезавтра я вручаю вам официальный перевод на любом из указанных вами языков. Вы готовы, мадам?

– Да, я готова.

Мэтр начал читать, а Рита принялась слушать. Месяц назад она купила лингафонный курс французского и пыталась вечерами заниматься, но сейчас смогла узнать лишь некоторые слова. Рита никогда и не помышляла ни о каком наследстве, не думала о состоянии, собственности, недвижимости и прочих подобных вещах, делающих человека богатым, позволяющих ему не работать, жить в свое удовольствие. Хотя в Москве она видела многих, кто упорно старался получить побольше денег. И у иных получалось. От завещания, которое монотонно читал господин Гибер, Рита не ждала перемен в своей жизни и приехала сюда не из-за наследства, а в ожидании вестей о КВ. Собравшись с мыслями, она хотела спросить о муже, как только мэтр закончит читать.

Мэтр закончил и, едва взглянув на Риту и не дав ей вставить ни слова, принялся переводить прочитанное.

Какой-то меье Сидих, находясь в твердом уме и ясной памяти, в присутствии таких-то господ 6 ноября такого-то года составляет настоящее завещание и поручает этим же господам быть его поверенными в делах по исполнению данного завещания. А дальше начинается что-то невероятное. Этот господин называет имя Риты, место и дату ее рождения, описывает, как ее найти, как она выглядит, что у нее спросить, какие получить ответы, и, наконец, завещает ей распорядиться счетом номер такой-то в банке (названия Рита не поняла, нужно уточнить) в городе Париже, адрес такой-то. Сообщается, что на момент составления настоящего документа на счету находятся 776 984 французских франка. Далее приводится список акций различных компаний, в основном германских, отданных в доверительное управление какой-то брокерской компании, адрес компании в Лозанне, Швейцария, и имя главы фирмы, к которому следует обратиться. Затем сообщается, что Рита наследует дом в местечке Реборес возле Валенсии в Испании, адрес и название фирмы, совершавшей сделку купли-продажи, телефон. Следующим пунктом шла квартира в районе Сен-Дени Базилик, дом номер такой-то, ключ находится у мадам Тигона, консьержки, телефон номер такой-то. И в завершение появился конверт, в котором лежал замысловатый ключ, как выяснилось, от сейфа в отделении банка TSB на улице Дамрак, Амстердам, Нидерланды. Всё.

Бред достиг пика.

Рита молчала. О. Гибер смотрел на нее вопросительно. Ждал вопросов.

– Кто такой этот господин Жиль Сидих? Как он выглядит? У вас есть его фотография? Почему он все это завещал мне? Ответьте, пожалуйста. Возможна ли здесь ошибка? Что с ним случилось? – вывалила Рита ворох вопросов.

– Господин Сидих – наш клиент, но был он здесь только два раза. В основном общение шло по телефону. Я знаком с его документами, сейчас ему было бы тридцать три года. Его фотографии у нас нет. Как я уже говорил, он вправе составить завещание в пользу любого человека. Ошибка возможна только в том случае, если вы не та, за кого себя выдаете, – Гибер

словно отстреливался от вопросов Риты. – Сообщение о смерти мы получили из страховой компании, ее адрес я готов предоставить. Для урегулирования отношений с ней мы можем предложить свои услуги, тем более что нам с вами предстоит провести определенные действия по вступлению в права наследства. Оплата налогов, свидетельств собственности, пошлины и нотариальных действий будет производиться из унаследованных вами средств. Мы с вами еще подробно обсудим эти вопросы. Их много, некоторые непростые, ведь заметная часть наследуемого находится вне территории Франции. Также нужно будет произвести оценку стоимости недвижимости и некоторые другие действия. Во всяком случае, мы готовы стать и вашими поверенными, как в настоящее время являемся поверенными месье Седиха.

– Подождите, а что с ним произошло?

– Он утонул во время рыбалки в Индийском океане у берегов Кении в январе 1997 года. Его тело не нашли, и через год он был признан мертвым. Несчастный случай. Подробности вы можете, опять же, выяснить в страховой компании, но, насколько мне известно, страховая премия по его полису невелика. Относительно, конечно. Скажите, мадам Пестова, можем ли мы сейчас вам чем-нибудь помочь? Где вы остановились? Оставьте номер телефона или адрес, а послезавтра, в среду, я жду вас к четырнадцати часам. Мадам, примите соболезнования по поводу кончины вашего мужа. Мне искренне жаль, месье Сидих был очень обаятельным человеком, как я успел заметить. Распишитесь здесь. Спасибо. Позвольте откланяться, мадам. До встречи в среду.

Нащупывая каждую ступень, Рита спустилась на улицу. Мир не изменился. Все осталось по-прежнему: клерки с безвольными подбородками и отвислыми носами торопились в бистро «У метро», блондинка в красной куртке останавливала такси в сторону бульвара Осман, а остальные, равнодушно огибая Риту, двигались к станции «Нотр-Дам ле Лоретт». Или от нее...

Впрочем, одного персонажа атеистской наружности появление Риты все-таки заинтересовало. Он сидел в неновом «ситроене», кутаясь в свой великоватый черный пиджак, и как раз говорил по мобильному телефону:

– Докладываю: пациент сделал зарядку у нотариуса и переходит к водным процедурам.

Третьего марта одна тысяча девятьсот девяносто восьмого года в Париже возле площади Дестинье д'Орвис дождь начался в двенадцать часов двадцать шесть минут по среднеевропейскому времени.

ГЛАВА 5. ПОНЕДЕЛЬНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РИТА

Перестань, Костя Воронин. Я бесконечно, до оцепенения устала от тебя. Прекрати играть мною. Еще три года назад я оплакала тебя как без вести пропавшего, и у меня находились силы прятать в своей душе любовь к тебе, защищать ее, но сейчас, когда ты пытаешься сообщить, что наконец погиб, я не верю, я равнодушна. У меня нет уже сил верить тебе, КВ. Все слезы давно закончились. Сейчас мне не больно, вернее, не так больно. Сегодняшняя боль – пустяки против боли той осени и зимы, когда я находилась между жизнью и смертью, а они – уж не знаю, партнеры ли, работодатели – решали мою судьбу и лениво спорили, я слышала. Тогда я больше думала о тебе, чем о себе. А сейчас я спокойна. С меня хватит. Мне не нужны эти деньги, дома, акции и прочее. Зачем? Чего ты еще хочешь от меня? Может быть, ты считаешь, что я их заработала? Если так, то я презираю тебя, Костя. Мне нужен был ты, а не твои деньги. А сейчас вообще от тебя ничего не нужно, только покой, которого ты не хочешь мне дать.

За окном брассери с независимым видом деловито двигались подмокшие парижане. Дождь заканчивался. Официант с тревогой посматривал на Риту. Ее лицо внушало ему справедливые опасения. Как она ни крепилась, глаза были влажны.

– Что-нибудь еще, мадам? – перед Ритой стояла нетронутая чашка чая.

– Нет, спасибо. Хотя... Вы не подскажете, где в Париже православная церковь? – Официант, разумеется, был иммигрант и знал толк в одиночестве.

– Я выясню, мадам. Подождите, пожалуйста, – и действительно, вскоре вернулся. – На рю Дарю. Вызвать такси, мадам? Или можно доехать до станции метро «Терне». Мерси, мадам. Чаевые Рита оставила внушительные.

На ступенях церкви двое немолодых людей говорили по-французски. В их речи не было ни капли торжественности или ожидаемой в таком месте многозначительности. Наверное, сплетничают, решила Рита, вспомнив вчерашний разговор в самолете. Двери храма оказались открыты.

Рита не знала точно, верит она в Бога или нет. Наверное, да или скорее да, чем нет, но неумело, приблизительно как-то верит, поверхностно, на скорую руку. Она не часто беспокоила Его своими просьбами, но и не вдавалась в тонкости и механику процесса, который называется «верой». Рита сомневалась, что Богу так уж важно прилежное соблюдение верующими обрядов и правил церковной службы, ведь есть десять заповедей, свод основных законов, и, приняв их, человек как бы автоматически попадает в лоно. Что же требуется еще?

Здесь, в церкви, ей казалось, что вероятность быть услышанной Им значительно выше, чем в прозрачном кафе рядом с магазином «Пари лук» или на забитой машинами авеню Фош и уж тем более на шумной площади Республики. Обращаться к Нему там – дергать сзади за рукав, отвлекать и стараться перекричать других. Поэтому она и пришла сюда, в густую тишину храма. Но почему бы Богу не выслушать ее в лесу или на берегу реки в уединенном месте, она не понимала. Конечно же, ей было известно, что в церкви молятся, но и этого она не умела.

Строгие лица на иконах не выказали ни одобрения, ни удивления при появлении Риты. Как столоначальники среднего уровня в исполкоме, они привыкли выслушивать с утра до вечера бесконечную историю людских несчастий, глубоко убежденные, что помочь себе может только сам человек. А их задача состояла лишь в том, чтобы и человек понял это.

Рита приблизилась к иконе с изображением пожилого мужчины, считая, что мужчина поответственнее отнесется к просьбе молодой симпатичной женщины, и, обращаясь к нему на «вы», робко произнесла:

– Господи! Помогите мне, Господи. Я ничего не понимаю. Найдите Костю Воронина и вразумите его, что так издеваться надо мною нельзя. Пусть он отпустит меня, освободит от

себя. Пусть я наконец стану свободной. Я ничего не сделала ему плохого. Ничего. Вот я обращаюсь к Вам и прошу упокоить его душу, предполагая, что он мертв и сейчас там, у Вас. Но вдруг это не так, и он жив, сидит где-нибудь в кабаке на острове в Карибском море, закинув руку на плечо юной мулатке, и заговаривает ей зубы, как когда-то мне. Простите, наверное нехорошо говорить с Вами об этом. Но ведь это грех – думать о человеке как о мертвом, если он жив, правда?

Рита еще поговорила с Богом, и ей показалось, что Он ее понял и обещал помочь. Обнадеженная, она подошла к киоску, где продавали свечи, и по-русски обратилась к продавщице, старушке в платочке, и та тоже ее поняла.

Получив свечку и указания, куда ее нужно поставить за упокой души, Рита опять вспомнила, что она в Париже, однако Париж стал ближе, и здесь уже некоторые ее понимают.

Перед иконой, на которую указала старушка, горело много свечей, теперь загорелась и свеча Кости Воронина. По мертвому ли?

Рита повернулась и с сухими глазами направилась к выходу. Часть груза с души ее осталась за спиной. В проходе стоял вчерашний самолетный попутчик.

– Здравствуйте.

– Добрый день, Рита, вот уж не ожидал вас здесь встретить, – сказал он и пошел рядом...

ГЛАВА 6. МОСКВА. СРЕДА НА ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛЕ

В подмосковном спортивном комплексе «Жуковка» хорошо дышится. Пропорция между кислородом, углеродом и влагой здесь неизменна. За этим следят. Тут играют в теннис. В очень большой теннис. В самый большой теннис страны. Ведущие политики правого толка играют в паре с высокопоставленными чиновниками федерального уровня против олигархов и руководителей администраций. Государственные деятели, сенаторы, губернаторы, мэры, председатели дум и руководители фракций играют с генеральными директорами, управляющими банками, председателями советов и комитетов, держателями контрольных пакетов акций, президентами и вице-президентами, премьерами и вице-премьерами. Руководители контролирующих и карающих органов часто играют с... как это сказать... авторитетными товарищами и влиятельными людьми. По мелочи играют популярные артисты. Тонко, по краешку, играют топ-менеджеры, пугливо и за деньги – яркие журналисты, шумно и вызывающе – политтехнологи. В сторонке играют заслуженные творческие интеллигенты. Бывают начальники департаментов, руководители главков и кто-то еще от бюрократии. А вместе с ними играют их советники, заместители, соратники, помощники. Также здесь играют их жены, их дети, их любовницы и любовники, любовники их жен и жены их любовников, играют их гости и друзья, играют гости друзей и друзья гостей. Играют в о-очень большой теннис. Играют по-разному. Но всегда только они.

Передовики производства, потомственные ткачихи, белозубые шахтеры, помощники машинистов, слесари-сборщики, усидчивые служащие, старшие экономисты и младшие научные сотрудники, полеводы с Доски почета, бесхитростные рационализаторы, отличники боевой подготовки, участковые терапевты, учителя начальных классов, неполиттехнологи и даже токари-расточники седьмого разряда здесь не играют. Также здесь не играют их жены, их дети, их друзья и их гости. Их собутыльники и собутыльницы их собутыльников здесь тоже не играют. Не играют охранники и водители. Хотя этих-то здесь очень много. Одни бдительно замирают в сторонке, другие прогревают двигатели представительских иномарок на стоянке.

Здесь играют по-крупному. Раньше серьезные, эпохальные решения принимались в тиши кабинетов, потом в жарких саунах под звон бокалов. Теперь же чаще всего – на кортах, под протяжный звук летящего мяча.

Зеленое пространство шестнадцати кортов кажется безлюдным. Но именно кажется. Время пользования кортами расписано заранее. Продано по абонементамили забронировано разовыми предусмотрительными посетителями. Никаких очередей на скамейках, никаких празднующихся или случайных людей. Рабочая обстановка. И для людей уважаемых, вхожих в этот мир, несмотря на плотное расписание, всегда найдется свободный корт, а опытный, тактичный тренер подыщет слова одобрения даже самому бесперспективному, но совсем не бесполезному с точки зрения игры персонажу. Так уж устроен мир, и не нам его менять. Пробовали уже. И пусть сказка останется сказкой, а быль – былью.

Играют здесь на совесть, играют для себя, для своего здоровья, успеха, благополучия. Играют для самоутверждения, для карьеры, знакомства, играют потому, что так сейчас надо – уметь играть в теннис.

Потом здесь не пахнет. Не принято.

На корте номер семь, на солнечной стороне, сейчас двое мужчин среднего возраста разыграли гейм и сели передохнуть. Генрих Самсонович и Петр Матвеевич.

– Сколько мы с тобой не играли, Гера? Два, три года? – спросил Петр Матвеевич, положил рядом с собой ракетку и вытер лоб темно-синим полотенцем.

Раньше они были друзьями. Пацанами из одного микрорайона. Ходили в одну школу. Ездили в один пионерский лагерь. Вместе записались в секцию самбо, спина к спине дрались на танцах. Ребята подросли крепкими, с покатыми литыми плечами и мозолистыми костяшками узловатых пальцев. Призвались в армию одним военкоматом. Отслужили. Вместе потом ускорялись в Ускорение и перестраивались в Перестройку. Тогда их было четверо. Юра, Глеб, Петр и Гера. Так уж повелось, что Генриха называли Герой.

Как в пятидесятые по комсомольской путевке молодые осваивали целину, а в семидесятые строили Байкало-Амурскую магистраль, так на рубеже девяностых молодежи выпало возводить «крыши». Крыши, ну, вы понимаете? Не кровли, а именно «крыши». И шифер со стропилами здесь ни при чем. Можно было, конечно, отказаться, избежать, но, как и в пятидесятые с целиной, и в семидесятые с БАМом, не очень-то и откажешься – клеймо на всю жизнь и конец карьеры. Так уж устроен наш человек: выпало, ну и выпало, надо – значит надо. Кто, если не я?! Нас позвали, мы пришли. Короче, такая работа. Конкретная, но интересная. Легко пропасть, сгореть на такой работе. Но наши друзья не пропали. Наоборот. Юра оказался настоящим лидером, с прекрасными организаторскими способностями, позволившими ему сколотить весьма жизнеспособный временный трудовой коллектив по получению немалого дохода. Почему временный? Да потому, что ничто не вечно под луною...

– Да почти три года уже. Ты раньше слабее играл. Вижу, времени не терял даром, – Генрих Самсонович согнулся, перешнуровывая кроссовки.

Дела в том коллективе пошли неплохо. Да и время было благодатное. Ткни в землю палку – прорастет. Хочешь торговать – торгуй! Хочешь возить товар – вози! Хочешь воровать – пожалуйста! Только не производи ничего, не надо! Бери лучше у нас в долг, мы дадим, а потом подскажем, что и как делать. Хочешь работать – работай, мы не против, но прибыль сюда.

От ларьков перешли к магазинам, даже строить магазины начали. Предприниматели и хозяева точек, привыкшие иметь над собой начальников, охотно принимали новые правила игры и часто сами искали Юру и его партнеров чуть ли не до того, как зарабатывали первый рубль.

И всем почему-то хватало. Даже оставались лишние, вопреки мысли, что лишних не бывает. Оказалось, что не только бывает, да еще немало бывает. Иначе чем объяснить такой ажиотажный спрос девяносто четвертого года на финансовые пирамиды? Юра и его друзья успели к этому бизнесу вовремя и не один раз. В «БМ-Траст» и в «Сатис-фонд» люди несли деньги сами, никто не заставлял. Людям пообещали: дай денег – станешь богатым через полгода, делать тебе ничего не придется, только дать денег и подождать.

И потекли широким потоком деньги в руки Юры и его друзей через несколько приемных пунктов. С миру по нитке – голому рубашка. А если не по нитке? Если не голому? Веселей живется, когда деньги падают как бы с неба. Вернее, не с неба, а из рук неумолимых вкладчиков.

Широкие массы трудящихся превратились в очереди оголтелых вкладчиков, своры жадных и глупых людей, ломящихся в двери так называемых инвестиционных фондов с остроумными названиями «Тибет», «Чара» и подобными, которые когда с тонкой, едва уловимой издевкой, когда наоборот, с тупой, кондовой настойчивостью зазывали к себе, в страну вкладчиков, на поле чудес. И им несли.

А пацаны пользовались. Отстегивали часть на рекламу, часть на возврат некоторым из первых и особенно усердным вкладчикам, а остальными деньгами пользовались и, надо сказать, очень быстро привыкли к этим деньгам. Непокорлемо считали их заработанными по праву. Заработанными благодаря своему уму, предприимчивости, исключительности, наконец. Они быстро привыкали к роскоши: от «Смирновской» водочки к «Карвуазье» и «Бифитеру», от селедки к малосольной семге и холодной севрюге, с заплеванных кухонь перебрались в стильные рестораны. Выработывали новые навыки и дорогостоящие привычки. Первыми подвергли

ревизии свои автомашины. Братва пересела с «трешек», «пятерок» и «семерок» «жигулей» на «трешки» же, «пятерки» и «семерки», но уже BMW. Следом наступила пора переоценки и пересортицы их собственных жен. Ребята принялись торопливо, суетясь и ревниво оглядываясь на друганов, менять своих низкорослых, округлых, с ярко выраженной доминантой щек на простоватых лицах, выбранных в свое время в соответствии с эталонами красоты рабочих пригородов жен на аномально длинных и подчеркнуто мосластых акселераток, обладательниц прозрачных целей и томных манер провинциальных салонов. Потом занялись бытом. Они казались себе хозяевами жизни, и поэтому им следовало переезжать жить в новые дома внутри Садового кольца, в квартиры с гигантскими сануздами. А дети? Несчастные дети от первых браков толпами потянулись в частные школы Лозанны и Йорка, чтобы наполнять тамошние спортивные площадки звонким русским матом.

Бизнес процветал. Штат сотрудников, обслуживающих «инвестиционные компании» Юры и друзей, уже составлял пятьдесят четыре человека. Машины, квартиры, жены и дети приведены в соответствие. Деньги поступали по-прежнему. Вкладчики не унимались. И было принято решение: до понимания ситуации деньги вывозить за границу, перечислять на счета оффшорных компаний в третьих странах, отмывать, легализовывать, короче – копить для себя. Потребовались грамотные, даже образованные, опытные в этих, хоть и не сложных, но щекотливых делах люди. Такие работники умственного труда нашлись. За хорошие деньги, разумеется. Делали эту тонкую работу. Регистрировали компании, открывали счета, составляли фиктивные договоры, перечисляли деньги, потом перечисляли дальше, следующим фирмам, под следующие договоры, старые фирмы и счета закрывали – и так по кругу. Эта карусель требовала внимания, ответственности, скрупулезной, можно сказать, ответственности. Специалисты, которые этим занимались, справедливо назывались «счетоводами». Какое-то время они держали руку на пульсе всего движения денег Юры и его товарищей. Крепко держали, а потом... Потом, когда очередная партия, часто весьма немаленькая, оседала в хорошем месте, на правильных условиях и под нужными фамилиями, счетовод всё забывал. «Всё» в данном случае и означало – всё: и суммы, и коды, и названия фирм, банков, фамилии, имена, номера телефонов, адреса, – всё забывал, прочно забывал, навсегда... Петр Матвеевич прикрыл глаза и вздохнул. Нельзя было без этого, никак нельзя. Но однажды один сучонок-счетовод не забыл. Больше того, он и из прежних дел что-то отыскал. Вот что значит компьютеризация: человека нет, а информация осталась. Каким-то образом расшифровал, догадался, что его ждет в конце карьеры, и с нескольких хозяйских, номерных, специальных, корпоративных, кодовых и еще черт знает каких счетов насобирал и в один час все обнулил, да не просто, а перечислил на какие-то свои счета, свои фирмы, с этих фирм – дальше, короче, все правильно сделал, грамотно, как он и умел, за что и платили ему, сучонку. Деньги забрал и сам отвалил. Сколько забрал, они и сами не знали точно, но больно стало. Смертельно больно. Бизнес-то, любой бизнес без денег, оборотных средств чахнет, хиреет, слабеет, заболевает. Тяжело стало. А времена наступили другие. На рекламу и хотя бы на некоторый возврат вкладчикам деньги требовались, а их не было. А дураки вкладчики без рекламы почему-то не хотели таскать им в кассу деньги.

Сучонка рассчитывали отыскать быстро, поэтому Юра взял в долг у знакомой братвы на поддержку падающего бизнеса.

– В последний раз, помню, нашу игру судил Юра покойник, пусть земля ему будет пухом. Я три—два у тебя выиграл, – Петр поправил повязку на руке. – А не видимся потому, что повода нет.

Первого завалили Юру. Шумно, со взрывом, грохотом, пожаром. Кто завалил, догадаться несложно, а поделаться-то уже было нечего нельзя – силы не те. Принялись хозяйство Юрино делить – схлестнулись. Денег-то из-за того сучонка-счетовода не оставалось, только то, что в местный бизнес было зарыто, в оборот. Большая доля Глебу досталась – по старшинству, а им с Геркой так, по мелочи, считай – слезы. Глеб недолго потом праздновал. Слег на Кузьминское.

Не сам – помогли ему, конечно. За Юрины долги. Уже без помпы, буднично как-то слег, тогда много таких полегло. Лег за то, что слишком заметную долю имел. А дальше, как говорится, каждый сам за себя. Тяжело пришлось, вспоминать не хочется. Если смотреть правде в глаза, один должен был остаться. Любой из них, но один. А осталось двое: Генрих и Петя.

– Да, давненько не видались, – Генрих покачал головой. – А повод-то есть.

– Что же за повод, Гера? – Петр Матвеевич пошарил в стоявшей рядом спортивной сумке, отыскивая бутылку с минералкой. – Юбилей какой-нибудь? Круглая дата?

– Не дата, Петя, а сумма, – Генрих искоса глянул на Петра. Тот сидел спокойно, откинувшись. Крупный, респектабельный мужчина. К сорока. Не скажешь, что один из лидеров, как сейчас стали говорить, преступного сообщества. Да и какого там сообщества – рассосалось все, раздробилось. «Быки» ушли. Кто к хозяину, кто на погост, кто на иглу. Которые поумнее были, как-то пристроились, прибились к делу, волосы отрастили, куртки кожаные сменили на пиджаки, исчезли из поля зрения. Бог с ними, так, может быть, и лучше. А Петя остался. Живой, крепкий, здоровый. Семья, дети, бизнес. Когда Юрино наследство делили, Генрих должен был недостроенные дома в Марьине под свой контроль получить. Четыре дома – не шутка! Так нет, не получилось: объединились Петр с Глебом и придавили его, кинули пару автосервисов и мебельный салон – подавился! Конечно, другой вопрос, что все проблемное было, и стройки эти стояли все в долгах, и покупателей на квартиры тогда не было – кризис, но выкрутился же Петя в результате! И он, Генрих, выкрутился бы. Но нет, не дали, сами все себе забрали. Генрих тогда смолчал, не стал нагнетать обстановку, не по силам ему тогда была победа, не по силам. Ну ничего, отдышался, теперь время порядок навести. Воздать по справедливости.

– О чем ты, Генрих? Какая сумма? – Петр Матвеевич повернулся к мелковатому Генриху Самсоновичу всем мощным торсом. – Мы ведь всё тогда отрегулировали, Гера. Тебе, я помню, торговля мебелью отошла, автосервисы: «Лексус» с «Хондой», оптовый рынок, банчок еще, – Петр уперся ладонью в скамейку. Этот паскудник Герка увел тогда целый банк, хоть и некрупный, но все-таки с клиентурой, с корреспондентскими счетами, с собственностью. Мебельные салоны тоже выглядели неплохо: с приличными товарными остатками, правда, и с долгами перед таможенной, но, однако, и с сетью, с клиентами. Жить можно было. А самому Петру пришлось тогда туго. В марьинские стройки вбухано было немерено, а место – хлам: ни метро, ни другой инфраструктуры, тупик. Покупатель шел слабо. До сих пор всё под угрозой. Если не провернуться по старым деньгам, то совсем труба.

– А помнишь, Петя, счетовод сбежал со всеми бабками? Не забыл? – оскалился Генрих Самсонович. – Сгрел со счетов и свинтил в неизвестном направлении, затих, даже девку свою здесь бросил, помнишь? Конечно, помнишь! Такое не забывается. Больше десятки там было. Так вот, шорох прошел – прорезался пацан. Так? – Генрих заглянул в широкое лицо Петра Матвеевича. – Так, Петя?

Петр Матвеевич медленно поднимал глаза на Генриха и думал: сволочь, откуда знает? Ведь хотел все тихо сам устроить. Три с лишним года готовился, тратил деньги, ждал, терпел. Один хотел все решить, и тут – на тебе! – эта падла, Гера, пристраивается. Хрен ему. Хрен! А вслух:

– Ну что ты, Генрих! Мы же давнишние товарищи. И эти деньги – наши, совместные деньги. А после смерти Юры и Глеба только наши. Просто не о чем пока рассказывать. Результатов-то никаких еще нет.

– Ах вон, значит, как, Петя. Рано, значит, еще, Петя? – Гера смеялся одним ртом, с мелкими, как у щуки, зубами: – А я-то, Петя, подумал, каюсь, нехорошее. – Генрих с видимым удовольствием и, можно сказать, смаком чеканил этого «Петю». – Подумал я, Петя, что без меня, ты, Петя, решил сучонка-счетовода отловить и бубешки из него вытрясти. Скажи мне, Петя, что я ошибся. Петя?

– Ты ошибся, Гера. Ты очень ошибся, Гера, – Петр Матвеевич без напряжения выдержал крысиные выпады Генриха. И не ясно было, в чем ошибся Гера: в том, что заподозрил Петра, или в том, что вообще вопрос этот поднял. Петр перевел дыхание и продолжил: – Я буду держать тебя в курсе дела. Больше того, мы вместе будем контролировать весь процесс поисков. Согласен? Веришь мне? Так?

– Верю, – ответил Генрих, но оба знали, что это о-очень далеко не так.

ГЛАВА 7. ВТОРНИК. ПАРИЖ. РИТА

– Мадам, за ночь кузнецы выковали новый ключ к вашим апартаментам. Не угодно ли взглянуть?

Длинная французская фраза колкой, холодной струей пробилась сквозь пестрый сон в сознание Риты. Не сразу время, пространство, память и ее тело сошлись воедино, образовав, как полагается, личность. Ох, не сразу!

Первой проснулась женщина. Рука Риты поняла вопрос. Ключ был хорош. Жаркий, тугой, настойчивый, с далеко идущими планами. Рита не торопилась открывать глаза и впускать свет. Заявившее о себе чувство времени подсказало, что наступило утро. Кажется, солнечное. Следом, спустя мгновение, как на театральной сцене, из полной темноты кусками декораций начали проступать разрозненные сведения о себе. Кто она такая. Как ее зовут. Сколько ей лет. И, наконец, где она. Рита проснулась.

С пронзительной четкостью она осознала себя запутавшейся в отношениях с собственной жизнью женщиной. Мало того: проснувшейся в постели мужчины, имя которого узнала только позавчера.

Но как было хорошо! Вчера Борис, буквально оборвав себя на полуслове во время очередного рассказа о Париже и повернувшись к ней лицом (они сидели рядом за столиком кафе на Елисейских полях), сказал:

– Рита, нам пора.

А она уже ждала этих слов. Она знала, что им пора ехать. И знала куда. Затем из машины он подозвал цветочницу и купил охапку красных тяжелых цветов. И не подарил их Рите. Поднявшись в номер – а жил Беринг в отеле «Регина» на улице Риволи, – он включил только нижний свет. Продолжая рассказывать о Париже, он открывал вино, доставал из холодильника фрукты, гремел в баре бокалами, переставил бутылку виски и все говорил с Ритой каким-то спокойным, домашним тоном. И Рита подумала тогда, что со стороны они похожи сейчас на супругов, вернувшихся с праздника, где было весело, шумно, много друзей, смеха и флирта. Вернувшихся рано, потому что им захотелось побыть вдвоем. Они ни с кем не попрощались, но и не убежали, не прятались, просто поняли друг друга и ушли. Многие оставшиеся еще думают, что они, Рита и Борис, с ними, среди музыки, табачного дыма, звона, в общем, в компании, а они уже здесь, в тишине, вдвоем. И так Рите стало спокойно! Так уютно было сидеть с ногами, сбросив туфли, в глубоком кресле и смотреть, как Борис «хлопочет по хозяйству», что она не удержалась и позвала:

– Эй, посмотри же на меня.

Борис, стоявший в это время возле широкой старинной кровати и размышлявший, куда бы пристроить цветы, взглянул на нее и опять все понял.

И погрузилась его рука в самую гущу букета, набрал он полную горсть сочных, прохладных, кажущихся в полутьме бордовыми, цвета свернувшейся крови лепестков и медленно стал ронять их на ровную, белую пустыню покрывала.

А потом была ночь.

В церкви Рита пыталась освободить свою душу от замужества с КВ, от обязанности ждать его, мучиться неизвестностью, строить предположения, страдать от его отсутствия, ненавидеть его и ждать его, ждать... Сейчас рвалось на свободу Ритино тело. Оно как бы получило волю и воспользовалось ею. И не было в их любви ни торопливого любопытства незнакомых тел, ни обжигающей неосторожности или, напротив, нежности, похожей на робость. Они растворились друг в друге, как будто каждый расступился, и стали они единым целым.

Всем телом Рита рвалась навстречу Борису, к его губам, чтобы не пропустить ни слова из тех, что он шептал ей, к рукам, мечтая целиком уместиться в его ладонях, к волнующему

запаху волос, вкусу, твердым плечам, теплу. Рита подавалась вперед, желая почувствовать его всего, его тяжесть в глубине себя, и тут же освобождалась, чтобы самой овладеть им. Она огорчалась, если Борис медлил, и радовалась, когда он верно угадывал ее желания, иногда неожиданные желания. Рита то принималась причитать, бормотать что-то жаркое, бредовое, жаловаться и всхлипывать, то замирала, закрыв глаза, прислушиваясь к себе, к самостоятельной жизни своего тела. Дрожь, а затем судорога били ее мощными толчками, словно неподвластная ее воле сила рвалась наружу, мешала говорить: «Ближе, милый, ближе...» И он стискивал ее и, казалось, был всюду: снаружи, внутри, всюду, а для нее не было больше места. А что-то рвалось из нее, и ей ничего не оставалось – только кричать, и она кричала. И не слышала себя.

Потом, очнувшись, словно в ванне меда, почти без сил, она только и смогла выдохнуть: «Как хорошо, Беринг».

А Борис находил губами маленькие соленые капли на ее глазах, и они быстро высыхали. Беринг и Рита просто вернулись друг к другу. Как возвращаются домой, где давно ждут.

Рита так и не открыла глаз, когда говорила:

– Хочу ананасового сока. Холодного. И кофе.

Завтрак им принес вертлявый, уже немолодой человек в коротковатых брючках. Он напомнил Рите о несовершенстве мира в общем и о ее многочисленных проблемах, в частности. В завтраке, подаваемом в постель, есть что-то возвращающее в детство, вернее, напоминающее о детских болезнях. Так показалось Рите. Она вспомнила себя ребенком, заболевшим ангиной, только горло сейчас не болело, и она могла свободно глотать и говорить.

Она заговорила и неожиданно для себя рассказала Берингу все. Все, что было у нее в жизни тревожного и запутанного. О Косте Воронине, о его исчезновении, о людях с односложными именами, о новых знакомых с их вопросами, о страхе, отчаянии, молчащем телефоне, переезде, письме тете Юлии, туристической поездке, мэтре Оливье, завещании, сравнении почерков. Обо всем рассказала Рита, прижавшись к шершавому халату Бориса. Они так и не выбрались из постели после завтрака. А он слушал, почти не перебивая ее. Слушал, и взгляд его становился все серьезнее и строже. «Зачем тебе мои проблемы, Борис?» – хотела спросить в конце Рита, но вслух сказала только:

– Вот такие дела.

А потом она снова уснула и спала долго и крепко, как после выполненной трудной работы, которая раньше давила, не давала покоя, а сейчас уже позади, и все хорошо. Когда Рита наконец проснулась, было уже за полдень, и Беринг одетый стоял у окна и разглядывал стену Лувра.

– Ты соня, Рита, а сони, как известно, самые безобидные люди, и их надо беречь. Я укрывал тебя, подтыкал одеяло и передвигал штору, чтобы солнце не било в глаза. Что же еще? Ах, да! Еще не шуршал газетой. Ты ценишь? – Борис не прятал глаза, не отводил взгляда, а внимательно следил, как Рита выглядывает из-под одеяла, розовая и улыбающаяся.

– Насчет газеты – это вы напрасно, месье, в жизни не спала под шорох французской газеты. Что пишут?

– Поднимайся, Рита. Я два часа мечтаю посмотреть, как ты идешь в душ. А на той странице, что можно было прочитать бесшумно, самое интересное – реклама автопокрышек.

Риту несколько не смущал заинтересованный взгляд Бориса, когда она двигалась по номеру в поисках своей сумочки. Сегодня она довольна собой.

– Я не буду закрывать дверь. Если десятиминутное испытание одиночеством окажется непосильным, можешь ко мне заглянуть. На секунду, – она к тому же и великодушна сегодня.

Ночью, пока Рита и Борис любили друг друга, кто-то проветрил Париж и сделал влажную уборку. Во всяком случае, на площади Шатолет, куда Рита и Беринг дошли, гуляя и останавливаясь у витрин, за пятнадцать минут, было именно так, проветренно и влажно.

В кафе «Сара Бернар» почти все столики заняли курящие сигареты молодые люди, поджидавшие подружек. К вечеру, если дамы не явятся, они прокурят всю площадь. Отовсюду

со старых фотографий на посетителей смотрела великая актриса, обожавшая при жизни путаницу. Вряд ли кто-нибудь из сидящих в кафе считал себя ее поклонником. Люди были слишком молоды, и Сара для них скорее предмет интерьера, чем объект соперничества. Они считали, что раньше все было проще и даже примитивнее, а их жизни тоньше и многограннее, поэтому посматривали на актрису как-то свысока. И были не правы.

Подошедшего официанта, внешностью и голосом напоминавшего боцмана, простуженного в северных морях, Беринг попросил принести два бокала молодого «божеле» и кофе.

Когда Рита и Борис отпили из своих бокалов, Борис спросил:

– Что запивают красным вином, Рита?

– Я еще ничего не знаю в этой жизни.

– Красным вином запивают любовь, – сказал Борис, и глаза его были серьезны. – Сейчас, я думаю, Рита, ты хочешь разобраться, что же произошло с твоим мужем. Если ты не узнаешь правды, то будешь мучить себя вопросом, бросил ли тебя КВ ради свободы и денег или ушел, спасая, отводя от тебя опасность. И многими другими вопросами. Ты дорога мне, Рита, и поэтому я хочу быть рядом, когда ты начнешь что-то предпринимать. Согласна?

Беринг смотрел ей в лицо твердым взглядом, без тени волнения, казалось, он все решил за нее. Он знает, что делать и как. Все будет прекрасно, если с ней будет Беринг.

«Он прав», – решила Рита.

– Да, Борис, будь рядом, – это все, что тогда ответила Рита Пестова.

Они сидели молча, наблюдая в большое окно, как на парижской площади течет парижская жизнь, как в разные стороны торопливыми походками столичных жителей двигаются люди, как на сложном перекрестке, буквально усеянном дорожными знаками, перестраиваются автомобили, и думали каждый о своем. Они не заметили, как на той стороне улицы остановился синий «ситроен», и водитель долго смотрел на Риту.

Вечером Борис повел Риту в грустный театр «Артан». Во время второго действия, когда на сцене молодые люди в тесных костюмах принимали странные позы, он шепнул ей, что ему надо выйти на пять минут, и поднялся. Внизу в фойе он вставил в телефонавтомат карточку, набрал бесконечный номер и сказал по-русски:

– Она ничего не знает.

Повесил трубку и вернулся в зал.

ГЛАВА 8. МОСКВА

Москва неделю изнывала от слякоти. Ночью обильно падал снег, под утро подмораживало, а днем термометр показывал шесть градусов тепла. Мутная, землистого цвета вода была повсюду. Она пряталась под еще белым снежком, таилась за каждым бордюрным камнем, стремительно наполняла следы пешеходов, подстерегала пассажиров авто и упрямыми потоками пробиралась в вестибюли метро, откуда ее широкими швабрами пытались вытолкнуть уборщицы.

Пешеходы были недовольны. Их не устраивали лужи и слякоть, капли с крыш и брызги на пальто, гололедица на тротуарах и сугробы поперек. Им не нравился график движения троллейбуса № 10 по Садовому кольцу и количество сидячих мест в маршрутных такси у метро «Текстильщики». Сегодня они категорически выступали против интервалов движения электропоездов Курского направления и интервалов работы светофоров на Смоленской площади. Их напрягала толчея при погрузке в автобусы из Бирюлева-Западного и бесили пробки на Каширском шоссе. Пешеходов раздражали другие, более торопливые и шустрые пешеходы, нервировали медлительные, тучные пешеходы и мешали им пешеходы с ручной кладью на колесиках. Много нелестных слов доставалось от пешеходов водителям личного и общественного транспорта, а также грузовиков. Впрочем, на пешеходов никто никакого внимания не обращал. Все давно привыкли, что пешеходы вечно недовольны. Вечно их что-то не устраивает. Всегда они ворчат. Воздвигли им Развитой-Не-По-Годам Социализм – капризничают: нехорош, подавай бесплатный коммунизм! Каждому по потребностям хотят. Кинулись скорей перестраивать им на коммунизм, но почему-то не заладилось, застоялось, а получилась ускоренная перестройка с полусухим законом. Пешеходы – небывалое дело! – принялись роптать. Назвали им это гласностью – не унимаются. Что делать? Тут умные люди и подсказали: отменить пешеходам статью за спекуляцию! Все на базар! Пусть торгуют кто чем, будут при деле. Но пока на пешеходных тропках бушевал базар, умелые директора социализма, пожизненные члены недостроенного коммунизма и горластые прорабы перестройки сели в кружок, поспорили малек и разделили между собой все, что было на поверхности и под нею до глубины восьмьсот метров. Пешеходы вернулись с базара – глядят, а все уже поделено. Раньше директора, члены и прорабы только управляли ими, а теперь они еще и всё имеют. И тут, как назло, слякоть. Вначале думали – оттепель, а оказалось – слякоть.

Москва изнывала от слякоти.

Надо полагать, в городе уже не осталось пары сухих ботинок без предательских белых разводов коммунальной соли. Разве что у некоторых немногих, в числе которых был и Генрих Самсонович.

Генрих Самсонович с утра не выходил из дома. Хандрил. Работать не работалось и пить не пилось. Все, что он достиг, сделал и имел, было сейчас под угрозой. Возможно, смертельной. Нужно было что-то предпринимать, а предпринимать было нечего. Оставалось ждать. Вот он и ждал. Дома. Один. Новостей. Информации. Сигнала. Звонка.

Телефон ожил около десяти вечера. Свистящий шепот произнес скороговоркой:

– Только что звонил, сказал, она ничего не знает.

– А тот что ответил? – быстро откликнулся Генрих.

– Ничего. Отсоединился.

– Ждите. Я позвоню.

Генрих положил трубку.

ГЛАВА 9. ВТОРНИК. ПАРИЖ. БЕРИНГ

На беспечном бульваре Святого Мартина, как всегда, многолюдно. В Париже уже две недели – весна, со всеми приметам и мелочами... Подходящая фраза для начала длинного стихотворения о любви. Если события будут развиваться такими темпами, скоро мне захочется дописать это стихотворение, вздыхая о блондиночке с зелеными глазами.

Рита сладкой походкой утомленной любовью женщины шагала рядом, пробуждая во мне подзабытое чувство гордости. Хороша. Ни один встречный месье не оставил мою Риту без внимания. Как эти парижане умеют раздеть даму коротким взглядом – удивляюсь. А она этого не замечает как будто. Идет себе, словно всю жизнь по этой улице возвращается со службы. Никаких лишних эмоций, думает о чем-то, молчит. Прелесть, а не девушка.

Мы гуляли после театра, выбирая ресторан для неторопливого ужина. Было около десяти часов вечера. Болтали, вернее, болтал я:

– Господин Зигмунд Фрейд учит, что в момент душевного потрясения не стоит кидаться с шестнадцатого этажа, хвататься за топор или орать на тещу, а следует плотно перекусить и выпить. Мир резко изменит окраску в лучшую сторону. Увы, в нашей с тобою державе принято выполнять только часть этого совета, причем вторую. Французы же, мой юный друг, вдумчиво восприняли рекомендации пожилого доктора и подвели под него научную базу. Ты не замерзла, mon ami? – Мне доставило большое удовольствие заботливо заглянуть в глаза Риты и встретить ее теплый взгляд. Тут я не удержался и поцеловал ее прямо в этот теплый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.